

Театръ

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА
НА ЖУРНАЛЪ
„ТЕАТРЪ И ИСКУССТВО“.

Съ доставк. и пересылк.
на годъ 6 р., на полг. 4 р.
Отд. №№ продаются по 20 к.
Объявл.—20 к. съ стр. пет.

АДРЕСЪ РЕДАКЦІИ И КОНТОРЫ:

Моховая, 45.

Отдѣленіе въ Москвѣ—въ конторѣ Н. Печниковой.

Рукописи, доставл. безъ обознач. гонорара,
считаются бесплатными.

Мелкія рукописи не сохраняются.

Телефонъ ред. № 1669.

Искусство

1899 г. III годъ изданія. ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ. ВОСКРЕСЕНЬЕ, 19 Декабря.

СОДЕРЖАНІЕ: О «судѣ чести». — «Экстазы творчества» (окончаніе). А. А. Измайлова. — О Брюлловѣ и исторической справедливости. А. Ростиславова. — Хроника театра и искусства. — Письма въ редакцію. — Музыкальныя замѣтки. Б. М. Соловьева. — Театральныя замѣтки. А. К—ля. — Режиссерскій отдѣлъ (подъ ред. Ю. Э. Озвровскаго). — Гастролеръ (продолженіе). Г. Г. Ге. — Новая пьеса Ибсена. — Провинціальная лѣтопись.

№ 51.

Рисунки: Сказка (скульптура). Донъ - Жуанъ Австрійскій (И. А. Суворова). «Эгмонтъ» въ Берлинѣ. — Максимъ Сумбуловъ (2 рис. С. С. Соломко). — Въ антрактѣ (рис. Л. Бакста). — Ромео и Джульета въ «Empire Théâtre».

Портреты: гг. кн. Д. П. Голицына, Федорова, Н. А. Мирскаго, г-жъ Милютяной, Морской.

Приложеніе: Пьеса для развѣзда И. А. Гриневской.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА 1900 Г. НА ЖУРНАЛЪ

„Театръ и Искусство“

(четвертый годъ изданія).

Съ 1900 г. мы вводимъ новое приложеніе:

12 выпусковъ, отъ одного до двухъ листовъ каждый, „Библиотеки“, въ которой будутъ помѣщаться наиболѣе объемистыя статьи. Выпуски будутъ печататься въ обыкновенномъ книжномъ форматѣ, и по истеченіи года, составятъ компактный томъ. Кроме того, будетъ увеличено число нотныхъ приложеній. Въ общемъ читатели получатъ:

52 №№ журнала (около 1000 страницъ).

20 репертуарныхъ пьесъ.

12 выпусковъ Библиотеки.

12 нотныхъ приложеній.

2—3 выпуска „Словаря сценическихъ дѣятелей“.

Не смотря на такое значительное расширение журнала, подписная цѣна остается прежняя, т. е.

6 р. на годъ, 4 р. — полгода.

Разсрочка допускается на прежнихъ основаніяхъ, по 2 р. въ три срока: при подпискѣ, 1 Марта и 1 Юня.

Первый № за 1900 г. выйдетъ 2 января, почему читателямъ покорнѣйше просить записываться заблаговременно.

Театральныя справочно-статистическія

Бюро Русскаго Театральнаго Общества:

Въ Москвѣ—Тверская ул., уг. Сытинскаго пер., д. Арбатскаго; открыто еженд., исключая празднич. дней, отъ 10 до 4 час.

Въ С.-Петербургѣ—Караванная ул., д. № 9, кв. 6; открыто ежедневно, исключая праздничныхъ дней, отъ 10 до 5 час.

С.-Петербургъ, 19 декабря.

Въ числѣ проектовъ, составляющихъ часть обширной реформы театра, мы находимъ также нѣкоторыя статьи, касающіяся «суда чести», — учрежденія совершенно новаго и въ высшей степени важнаго, если придать ему черты суда «товарищескаго» въ обширномъ смыслѣ слова.

Вопросу о собственномъ, товарищескомъ судѣ было посвящено не мало разговоровъ на первомъ Съѣздѣ сценическихъ дѣятелей. Дѣйствительно, своеобразныя условія актерскаго быта рождаютъ цѣлый рядъ дѣяній и столкновеній, правильную оцѣнку коимъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ врядъ ли въ состояніи дать общій судъ. Идя на встрѣчу требованіямъ жизни, новый проектъ устава учреждаетъ организацію «суда чести». Къ сожалѣнію, столь важному вопросу въ проектѣ удѣлено всего 4 параграфа. Конечно, это не уставъ, не статутъ и даже не схема. Однако, и съ основными положеніями, намѣченными въ проектѣ, врядъ ли можно согласиться.

Прежде всего является далеко не яснымъ, почему проектъ изъ всѣхъ формъ суда выбралъ именно судъ чести. Судъ чести имѣетъ своимъ объектомъ чисто-нравственныя дѣянія и подразумеваетъ скорѣе нравственное, чѣмъ матеріальное воздѣйствіе. Между тѣмъ нельзя не согласиться, что будущему суду придется имѣть дѣло, главнымъ образомъ, съ дѣлами чисто коммерческаго свойства, иначе говоря, съ дѣлами гражданскаго характера, каковы, на примѣръ, разсматриваемый въ настоящее время Совѣтомъ споръ между уполномоченнымъ опернаго товарищества, г. Максакowymъ и пѣвицею Арсенье-

вой. Думается, что въ подобныхъ дѣлахъ судъ чести не причемъ. Гораздо правильнѣе было бы учредить судъ корпоративный, профессиональный. Таковъ, именно, судъ, дѣйствующій въ Австріи, и рѣшенія котораго признаются обязательными для общихъ судебныхъ учреждений.

Проектъ «суда чести» помѣщенъ въ первой общей части устава Общества, а не въ проектѣ Корпорации. Такимъ образомъ, «судъ чести» является учрежденіемъ, состоящимъ при Театральномъ Обществѣ, и непосредственно подчиненнымъ Совѣту, какъ это ясно выражено въ § 42 проекта. Новое подтвержденіе сбивчивости системы, принятой проектомъ. Казалось бы, что правильнѣе было бы поставить судъ въ непосредственную связь и зависимость къ Корпорации, такъ какъ снѣ исключительно нуженъ для сценическихъ профессиональныхъ дѣятелей. Если же стать на точку зрѣнія проекта, считающаго сценическими дѣятелями, входящими въ Корпорацию, всѣхъ, имѣющихъ хотя какую нибудь живую связь съ театромъ, включая рецензентовъ, парикмахеровъ и простыхъ рабочихъ, то станеть и совсѣмъ непонятнымъ, что дѣлать суду внѣ Корпорации. Внѣ ея никого не останется, кромѣ членовъ-сореволюционеровъ, т. е. людей, вся связь которыхъ съ Обществомъ ограничивается десятирублевымъ взносомъ.

Но допустимъ, что судъ будетъ состоять, согласно § 42, при Совѣтѣ Общества. Въ чемъ же выразится связь между Совѣтомъ и Судомъ? § 43 гласитъ: «всѣ дѣла поступаютъ въ Судъ не иначе какъ черезъ Совѣтъ, на которомъ лежитъ обязанность созыва суда». Этимъ и ограничивается непосредственная связь обоихъ учреждений. Разберемся въ ней. Если Совѣтъ обязанъ созывать по каждому дѣлу судъ, то возникаетъ, естественно, вопросъ, какова здѣсь роль Совѣта. Не является ли онъ лишь передаточной инстанціей? Если такъ, то въ этомъ нѣтъ никакой необходимости, ибо это поведеть лишь къ водворенію канцелярщины и лишней переписки, отъ которыхъ, да упасетъ Богъ всякое живое дѣло. Не думаемъ, чтобы такова была мысль кодификаторовъ. Очевидно, имѣлось въ виду установленіе за Совѣтомъ права предварительнаго разсмотрѣнія дѣла до передачи въ судъ, — права, такъ сказать, обвинительной камеры, собирающей данныя и вносящей въ судъ дѣла, достаточно обоснованныя. Противъ этого, по существу, мы не возражаемъ, ибо преданіе суду во многихъ случаяхъ, есть само по себѣ фактъ позорящій, такъ что прибѣгать къ нему безъ достаточнаго основанія было бы неправильно. Но эта новая обязанность Совѣта настолько существенна, что необходимо внести ее въ § 34 устава, перечисляющій обязанности Общества, и вообще, иначе формулировать вышеприведенный § 43.

Еще одно замѣчаніе. Проектъ какъ бы отнимаетъ у суда право исключать изъ Общества негодныхъ членовъ, такъ какъ исключительное право исключенія изъ членовъ Общества принадлежитъ, согласно § 17, общему собранію. Если припомнить, что проектъ устава отнимаетъ у общаго собранія его естественное право избранія новыхъ членовъ, то, пожалуй, даже весьма непослѣдовательно предоставлять этому собранію право исключать не выбранныхъ имъ лицъ. Этими замѣчаніями далеко не исчерпываются всѣ тѣ вопросы, которые стоятъ въ связи съ судомъ. Напримѣръ, вопросъ о мѣстныхъ групповыхъ судахъ, съ характеромъ ли третейскихъ, или выборныхъ, имѣющихъ задачей разрѣшеніе болѣе мелкихъ, и не требующихъ отлагательства дѣлъ, обь исполнительномъ органѣ суда и много другихъ, къ которымъ мы постараемся вернуться.

Отъ редакціи.

Для напечатанія въ 1900 г. редакція имѣетъ въ своемъ распоряженіи слѣдующія новыя пьесы: «Накипь», ком. въ 4 д., П. Д. Боборыкина, «Завѣщаніе», пьеса въ 4 д., П. П. Гнѣдича, «Максимъ Сумбуловъ», историческая драма, въ 5 д. и 6 карт., Кн. Д. П. Голицына (Муравлина), «Преступленіе и Наказаніе», Я. А. Дельера, «Неугмонная», комедія въ 4 д., П. М. Невѣжина, и мн. др. Въ первыхъ же номерахъ будутъ напечатаны: «Изъ воспоминаній» М. Г. Савиной, рассказы и повѣсти П. М. Невѣжина, В. Свѣтлова, М. А. Любимова и др.

Экстазы творчества *)

(Окончаніе).

IV.

Если совершенная рѣдкость чисто патологическія проявленія творчества, сводящагося къ почти бессознательному или полусознательному воспроизведенію неслышно совершающейся въ душѣ художника работы, то не должны казаться исключительными примѣры *сознательной* записи болѣзненныхъ впечатлѣній писательскаго духа, многочисленныя образцы которой представляетъ всеобщая литература. Прочтите нѣкоторые повѣсти и очерки Мопассана, припомните детали страшнаго разсказа Гаршина «Красный цвѣтокъ», — что это, какъ не точная запись галлюцинацій, какъ не продуктъ болѣзненнаго воображенія, не проявленіе раннихъ симптомовъ психической ненормальности, — того ужаснаго недуга, который свелъ въ преждевременную могилу обоихъ названныхъ писателей?

Исторія иностранныхъ литературъ предлагаетъ въ этомъ отношеніи психологу интереснѣйшіе объекты для изученія и выводовъ въ лицѣ художниковъ, искусственно возбуждавшихъ вдохновеніе путемъ приведенія своей нервной системы въ ненормальное состояніе. Говоря на эту тему, рѣшительно нельзя пройти мимо двухъ писателей, представляющихъ въ этомъ отношеніи поистинѣ замѣчательное и феноменальное явленіе. Эти писатели — Гофманъ и Эдгаръ Поэ, — оба прибѣгавшіе къ болѣе вѣрному и сильному возбужденію человѣческаго мозга, — алкоголю.

Печать рѣзкаго своеобразія лежитъ на огромномъ большинствѣ произведеній обоихъ беллетристовъ. Скольکو необузданной, болѣзненной фантазіи во всѣхъ гофмановскихъ «Элексирахъ сатаны», «Ночныхъ разсказахъ» или новеллахъ «Серапіоновыхъ братьевъ!» какимъ тяжелымъ кошмаромъ давятъ «необыкновенныя повѣсти» Поэ, съ ихъ исключительными героями-майяками, извращенно чувствующими и мыслящими не по общечеловѣческой логикѣ! И тотъ, и другой предавались излишеству, видя въ немъ единственное средство къ пробужденію творчества, и съ откровенностью, можетъ быть, способною нѣсколько смутить читателя, одинъ изъ нихъ не только самъ признавался въ этомъ, но и слагалъ панегирики «божественному напитку», благодаря которому мысль взвивается въ высь, какъ вспугнутая птица. Въ томъ счастливомъ настроеніи, пишетъ Гофманъ въ одной философски-сентенціозной

*) См. №№ 45 и 46.

КОНКУРСНАЯ ВЫСТАВКА ВЪ АКАДЕМИИ ХУДОЖЕСТВЪ.

«Сказка». Скульптура.

главѣ своей „Крейслерианы“,—когда духъ переходитъ отъ грезъ къ творчеству, крѣпкіе напитки способствуютъ болѣе быстрому движенію мыслей. Не благородно сравненіе, но я сказалъ бы, что, подобно сильно бѣгущему потоку, заставляющему быстрѣ двигаться мельничное колесо,—вино, выпиваемое человекомъ, заставляетъ быстрѣ двигаться его внутренней механизмъ. Какъ чудно, что благородный плодъ заключаетъ въ себѣ тайну непостижимымъ образомъ завладѣвать духомъ человѣка въ наиболѣе свойственныхъ ему отголоскахъ! Въ эту минуту дымится передо мной въ стаканѣ напитокъ, образующійся отъ того процесса, когда соединяютъ коньякъ, арракъ или ромъ и капаютъ туда жженый сахаръ. Въ приготовленіи и употребленіи этого напитка есть для меня что-то благотворное и развеселяющее. Когда вспыхиваетъ голубоватое пламя, я вижу, какъ пылая, и искрясь, являются духи огня и борются съ духами земли, обитающими въ сахарѣ“...

Въ отличіе отъ дипсомана Поэ, возбуждавшего себя слегка разведеннымъ спиртомъ или простою водкою, Гофманъ злоупотреблялъ виномъ, сознательно черпая въ немъ матеріалъ для творчества и сознательно же опредѣляя себя къ жалкому будущему. Полезный возбудитель творческой фантазіи въ раннѣйшіе годы жизни и дѣятельности знаменитаго нѣмца, вино сдѣлалось неизбѣжнымъ условіемъ его работы въ послѣдней половинѣ его существованія. Панегирическія выраженія въ его дневникѣ по адресу энергичнаго двигателя „внутренняго духовнаго колеса“ уже очень скоро смѣняются внушающими тревожныя опасенія разсказами о тяжелыхъ галлюцинаціяхъ,—неустранимомъ результатѣ злоупотребленій. „Духъ, порождаемый свѣтомъ и подземнымъ огнемъ, замѣчаетъ онъ о винѣ въ той же

главѣ „Крейслерианы“,—очень смѣло завладѣваетъ людьми; онъ бываетъ опасенъ, и не слѣдуетъ вѣрить его привѣтливости, такъ какъ онъ быстро мѣняетъ личину и изъ благотворнаго, пріятнаго друга превращается въ страшнаго тирана“.

Первый и воспримчивый организмъ талантливаго сказачика быстрѣ обыкновеннаго подпалъ роковому послѣдствію излишествъ. Галлюцинація, прежде легкая, какъ мечта, и почти поэтическая, теперь сдѣлалась удручающею и давящею, какъ кошмаръ. Сказка его, доселѣ свидѣтельствовавшая лишь о нѣкоторой недисциплинированности и беспорядочности воображенія, получаетъ до нѣкоторой степени мрачный, мистическій колоритъ. Мало-помалу, медленнымъ, но вѣрнымъ путемъ совершалось разрушеніе организма и разстройство психики, и невѣдомыя существа, въ мірѣ которыхъ жила вѣчно возбужденная мысль сказочника-поэта, пріобрѣтали все большую и большую устойчивость, сдѣлавшись, наконецъ, неотличимыми отъ существъ дѣйствительности. Произошла почти полная реализація поэтическихъ мечтаній, и между міромъ фантастически-красивой и причудливаго вымысла и міромъ прозаической, но трезвой обыденности, различіе сгладилось до послѣдней степени. Дозы отравляющаго напитка послѣдовательно увеличивались, и крупный талантъ оскудѣвалъ, становясь однообразнымъ и мельчая. И въ концѣ своей литературной и жизненной карьеры этотъ крупный писатель, пользовавшійся заслуженною извѣстностью среди людей своего времени, но застававшій утро въ тавернѣ и въ ней-же встрѣчавшій вечеръ, представлялъ жалкое и печальное явленіе для современника и любопытную загадку для психіатра.

Странности патологическаго творчества Гофмана

и Поэ послужили предметомъ изслѣдованія французскаго писателя Arvède Barine, не столь давно предложившаго рядъ чрезвычайно интересныхъ журнальныхъ этюдовъ по этому вопросу и обнаружившаго попытку разобратся въ особенности творчества обоихъ этихъ крупныхъ и популярныхъ, но глубоко-несчастливыхъ писателей. По сужденію названнаго изслѣдователя, — въ этюдахъ котораго читатель найдетъ гораздо болѣе обстоятельную характеристику обоихъ авторовъ, — особенности болѣзненныхъ проявленій творчества Поэ и Гофмана были обусловлены разностью потребляемыхъ напитковъ. Изъ пріятныхъ ощущений, испытываемыхъ Гофманомъ при употребленіи вина, — относительно мягкой, причудливо-красивый фонъ его рассказовъ; изъ болѣзненныхъ впечатлѣній страдавшаго запоемъ Поэ — тоскливо-мрачный, сурово-трагической и безотраднѣй колоритъ его произведеній. Этотъ наследственный алкоголикъ, еще ранѣе достижения совершеннолѣтія представлявшій полное воплощеніе жалкаго типа запойнаго пьяницы, искалъ въ спиртѣ не минутнаго веселья, но видѣлъ въ немъ единственную возможность удовлетворенія потребности, составлявшей проклятое наследіе, и пилъ не какъ любитель спиртныхъ напитковъ, не какъ гастрономъ, но, по его словамъ, какъ бы совершая какую-то челоукоубійственную потребность. Подавленное состояніе духа, овладѣвавшее писателемъ въ моменты его искусственнаго возбужденія, находило полное выраженіе въ пугающихъ образахъ и грозныхъ картинахъ, начертанныхъ его перомъ...

Удастся ли когда-нибудь наукѣ совершенно разгадать тайны творчества, проникнуть въ его законы, синтетически обозрѣть его существенныя особенности, отдѣливъ ихъ отъ случайностей и индивидуальныхъ осложнений, найти объясненіе странностямъ художественной психики, отыскать способы возбужденія творческихъ силъ безъ помощи ужасныхъ средствъ, ставящихъ художественную продуктивность въ неразрывную связь съ разрушеніемъ физическаго организма? Человѣческій духъ настолько самобытенъ, неуловимъ и порою капризенъ, разность характеровъ и тѣлесной организаціи настолько существенна, — что едва ли возможна даже и въ отдаленномъ будущемъ полная разгадка тайны. Но можно сказать съ утѣшительною увѣренностью, что отвѣтъ на нѣкоторые болѣе частные вопросы творчества съ несомнѣнностью ожидаетъ насъ впереди, когда на помощь историкъ литературы и изслѣдователю — дилетанту, придетъ во всеоружіи знанія врачъ-психиатръ, и съ своей точки зрѣнія взглянетъ на дѣло. Отраднѣе видѣть уже теперь начало подобнаго отношенія къ этому интереснѣйшему вопросу въ попыткахъ, — хотя, правда, пока еще и поверхностныхъ, и довольно рѣдкихъ, и не слишкомъ глубокихъ, — со стороны представителей современной медицины освѣтить научно-психологическій и духовный складъ коринеевско-художниковъ, и созданные имъ типы. Тому же дѣлу послужить чистая литература, предложивъ богатый матеріалъ для изученія въ перепискѣ, мемуарахъ и воспоминаніяхъ людей, близко стоявшихъ къ дѣятелямъ искусства. Возникнутъ, быть можетъ, и новыя формы литературныхъ работъ, способныя быстро двинуть впередъ интересное дѣло. Года три назадъ французъ-психиатръ Е. Toulouse *) выдалъ въ свѣтъ цѣлый томъ, представляющій интереснѣйшее медико-психологическое изслѣдованіе всѣхъ подлежащихъ

наблюденію сторонъ физической и духовной организаціи великаго писателя и борца за правду современной Франціи и состоящій изъ длиннаго ряда отвѣтовъ автора „Ругоновъ“ на предложенные ему вопросы. Можно искренно пожалѣть, что до сей поры не появилось преднамѣченнаго авторомъ книги продолженія ея любопытныхъ изслѣдованій относительно другихъ представителей современнаго французскаго искусства. Самъ по себѣ, взятый въ отдѣльности, этотъ трудъ — не грандіозное приобрѣтеніе, но совсѣмъ иное — серія такихъ книгъ. Когда подобныя труды представляютъ намъ духовно-нравственный обликъ не одного и не двухъ, а нѣсколькихъ десятковъ дѣятелей искусства, — они послужатъ значительнымъ подспорьемъ работнику, трудящемуся на нелегкомъ пути изслѣдованія авторской души, и послужатъ фундаментомъ для цѣнныхъ синтетическихъ заключеній.

А. Измайловъ.

О Брюлловѣ и исторической справедливости.

„Александръ Македонскій былъ великій челоукъ, но зачѣмъ же стулья-то ломать?“. Эту классическую фразу можно поставить эпиграфомъ, пожалуй, всѣхъ нашихъ юбилейныхъ чествованій. И мнѣ кажется, это лозанье стульевъ отнюдь не способствуетъ торжественности чествованія, а совершенно наоборотъ. Надо помнить, что оцѣнка крупной дѣятельности въ какой бы то ни было области — дѣло общественное, что для некомпетентной публики очень важны въ воспитательномъ значеніи мнѣнія лицъ компетентныхъ, справедливыхъ и безпристрастныхъ безъ преувеличеній и фальшивыхъ восторговъ. Преувеличенныя похвалы, фальшивыя восторги кромѣ того оскорбительны для чествуемаго крупнаго дѣятеля. Въдѣ въ глубинѣ сознанія каждаго талантливаго и умнаго челоука, а можетъ быть, иногда безотчетно, ко внутреннему чувству существуетъ строгая самооцѣнка. И преувеличенныя похвалы могутъ быть ему только неприятны и оскорбительны, а иногда казаться и При жизни онъ можетъ защитить себя, можетъ дать отповѣдь неумѣреннымъ хвалителямъ, да и не всякому рѣшатся лстыть въ глаза и изливать фальшивыя Покойники же беззащитны.

При оцѣнкѣ дѣятельности крупныхъ покойниковъ, в сферѣ искусства, разумѣется, единственно точка зрѣнія — историческая. Искусство движется То, что казалось верхомъ художества въ свое время, наше скучновато и старо. Мы восхищаемся часто старинными произведеніями, принимая во вниманіе лишь историческое значеніе, а отнюдь не безусловное. существуютъ гени, на столько опредѣлившіе свое что ихъ эстетическое значеніе не утратилось до сихъ по ихъ имена на перечень и относительно ихъ, желанія похвалы не преувеличены. Къ сожалѣнію, у слишкомъ злоупотребляютъ словомъ „гений“, мороча и сбивая съ толку публику. Чествованіе крупнаго должно заключаться не въ присвоеніи ему этого и другихъ неумѣренно восторженныхъ эпитетовъ, а томъ, чтобы выяснитъ его историческое значеніе и указать, что сохранилось у него цѣннаго въ смыслѣ и для нашего

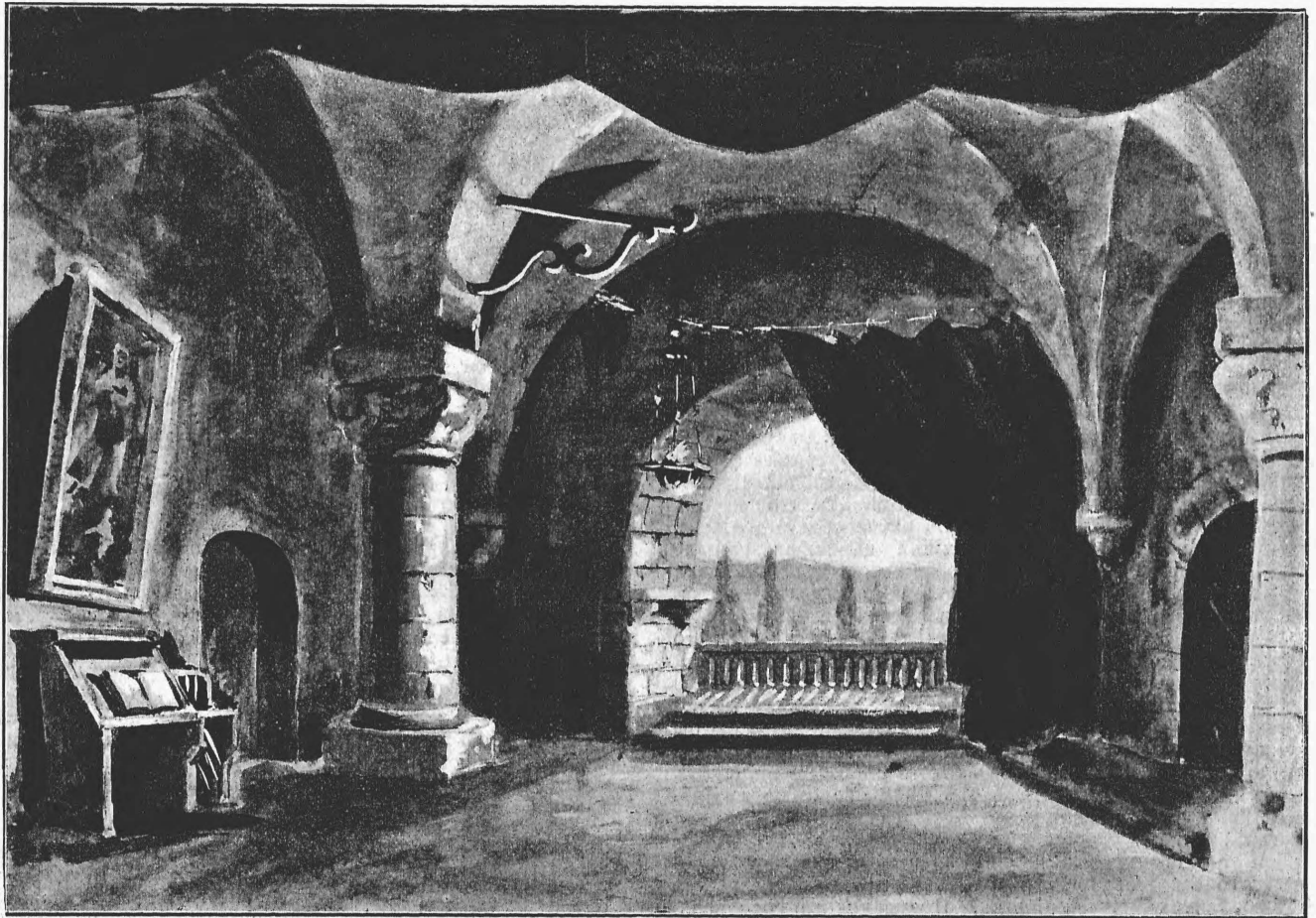
Я позволю себѣ спросить неумѣренныхъ панегиристовъ: Брюлловъ гений, но кто же тогда Рембрандтъ, Ванъ-Дейкъ, Веласкецъ? Я не называю другихъ именъ, которыя такъ и просятся на языкъ, ибо гениальность ихъ еще не настолько патентована, какъ названныхъ мной художниковъ. Не думаю, чтобы самые храбрые панегиристы прибавили къ этимъ тремъ именамъ дѣйствительно гениальныхъ художниковъ еще четвертое — Брюллова. И, какъ всегда, неумѣренными хвалителями являются люди, повидимому, мало компетентные именно въ живописи, что впрочемъ, и естественно. Такъ въ иллюстрированномъ приложеніи къ № 8546 „Новаго Времени“ появилась курьезнѣйшая статья „Величайшій русскій художникъ“ — образецъ приторно-восторженныхъ „юбилейныхъ“ статей, гдѣ восхищенный, но, очевидно, весьма мало свѣдущій въ живописи

*) „Медико-психологическое изслѣдованіе по вопросу объ отношеніяхъ между умственнымъ превосходствомъ и невропатіей Эмиль Золя“. Примѣч. 1896.

авторъ послѣ приторнаго описанія картины „Послѣдній день Помпеи“ и своего „потрясающаго“ впечатлѣнія совѣтуетъ больше уже ничего не смотрѣть въ музеѣ Александра III въ тотъ день, „не разбавлять сырой холодной водой дорогое, выдержанное въ вѣковой амфорѣ, вино“, ибо все остальное въ этомъ музеѣ (Рѣпинъ, Суриковъ, Васнецовъ, Полѣновъ) блѣдно и неинтересно, по сравненію съ этой картиной. Затѣмъ опытно-глубокомысленно разсуждаетъ о пѣкоторыхъ весьма поверхностныхъ, падуманныхъ и театральныхъ композиціяхъ Брюллова, какъ о „мировыхъ“ сюжетахъ, и въ заключеніе, конечно, называетъ его гениемъ, создавшимъ переворотъ въ русской живописи, Пушкинымъ живописи. Мало говоритъ точно также и весьма пространное, на видъ очень глубокомысленное и основательное, „съ большой эрудиціей“, какъ говорится, чтеніе г. Деларова на актѣ по той простой причинѣ, что г. Деларовъ, можетъ быть, и знатокъ голландской и итальянской живописи эпохи Возрожденія, какъ о

можетъ быть вполне примѣнно къ произведеніямъ искусства и художникамъ вообще. Только исключительные гѣіи пользовались и пользуются одинаковой славой и у современниковъ, и у потомства. Къ просто крупнымъ талантамъ публика всегда несправедлива въ ту или другую сторону, то чрезмерно преувеличивая, то чрезмерно умаляя ихъ значеніе. Мнѣ кажется, громадный успѣхъ Брюллова, кромѣ крупнейшей талантливости въ смыслѣ воспроизведенія (техники), которая, конечно, не могла не чувствоваться современниками, обусловливался еще болѣе тѣмъ, что въ своемъ творчествѣ онъ былъ яркимъ выразителемъ, такъ сказать, кульминаціоннымъ пунктомъ вкуса современниковъ. Толпа всегда съ восторгомъ привѣтствуетъ апогеозъ своихъ вкусовъ. Вѣдь, это было время театральнаго и аффектированнаго романтизма, когда въ литературѣ почти на ряду съ Пушкинымъ, который казался многимъ слишкомъ простымъ и даже вульгарнымъ, царили Кукольникъ и Марлинскій. И менопадно и удивительно

«ДОНЪ - ЖУАНЪ АВСТРІЙСКІЙ».

Третій актъ. — Монастырь Св. Юста.

Рис. И. А. Суворова.

немъ пишутъ, но едва-ли знатокъ живописи вообще, что доказываютъ его заключительныя разсужденія о современной живописи (какъ бы противопоставленіе „умственности“ плэяэру), его заключительная примирительная формула, по рецепту глубокомысленныхъ и престарѣлыхъ литературныхъ критиковъ толстыхъ журналовъ.

Мнѣ кажется, современные восторги передъ Брюловымъ — плодъ гипнотизированія насъ нашими отцами, еще слышавшими отзвуки восторговъ современниковъ, и дѣдами, бывшими очевидцами этихъ восторговъ.

Какъ извѣстно, послѣ восторговъ наступила реакція. Тургеневъ въ 60 г. назвалъ Брюллова „духлой ничтожностью“. Это тоже, конечно, совершенно несправедливо, и несравненно болѣе неприятно, чѣмъ преувеличенныя похвалы. Именно теперь, казалось бы, наступило время совершенно справедливой и безпристрастной оцѣнки дѣятельности Брюллова и съ эстетической и съ исторической точки зрѣнія. Дидро гдѣ-то говоритъ, что если новая книга нравится всѣмъ, она почти навѣрно плоха, если нравится немногимъ, почти навѣрно хороша и если никому не нравится, то можетъ быть хороша. Это чрезвычайно мѣткое опредѣленіе значенія успѣха въ публикѣ

сравненіе Брюллова именно съ Пушкинымъ, дѣйствительно нашимъ національнымъ гениемъ, ярко благоухающимъ до сихъ поръ, а не съ господами Марлинскими, которыхъ Брюловъ неизмѣримо превосходилъ, конечно, талантомъ, но не вкусомъ и содержаніемъ. Национальной живописи у насъ тогда еще не было. Если исключить очень талантливыхъ Боровиковскаго, Левицкаго, Венеціанова, — живопись наша, проникнутая ложно-классицизмомъ, была такъ суха, мертва, деревянна, бездарна, что „Послѣдній день Помпеи“ съ его превосходнымъ, гибкимъ рисункомъ, сильнымъ движеніемъ, новыми въ то время эффектами колорита, долженъ былъ показаться откровеніемъ. Успѣхъ этой картины въ Италіи тоже совершенно понятенъ, ибо тамъ живопись съ пресловутымъ Каммуччини во главѣ, была не лучше нашей. Совершенно иной пріемъ встрѣтила картина во Франціи, которая въ искусствѣ уже и тогда опередила всѣ страны. Тамъ уже царили такіе художники, какъ Прудонъ, Гро, Жерико и, наконецъ, Делакруа, давно уже выбившіеся изъ путь ложно-классицизма. Но слава и успѣхъ Брюллова въ исторіи нашей живописи безпримѣрны. А, между тѣмъ, можно ли считать его нашимъ национальнымъ художникомъ, тѣмъ болѣе родоначальникомъ

нашей живописи? Сказываются ли черты хотя бы зарождающагося націонализма въ его полотнахъ, подъ которыми могъ бы отдышаться любой иностранный художникъ, содержание которыхъ иногда (смѣшно сказать даже и для того времени) навѣвалось иностранными операми, даже не первоклассными? Но сила Брюллова не въ содержаніи, а въ формѣ и, безъ сомнѣнія, это — крупнѣйшій художникъ формъ. Все, что касается формы въ широкомъ смыслѣ (рисунокъ, колорита) публика обыкновенно называетъ техникой и все еще мало ею интересуется. Между тѣмъ, техника—слово, совершенно не выражающее сущности дара воспроизведенія: техника—это нѣчто механическое, приобѣтаемое ученіемъ; даръ воспроизведенія, способности передавать тонкости формы (рисунокъ, колорита) это талантливость, рѣдкій даръ избранныхъ, чему нельзя научиться. Поэтому въ живописи содержаніе заключается въ самой формѣ, если она талантлива, если въ ней выражается личность художника, сама форма есть нѣчто эстетически самостоятельное, и художникъ только формы можетъ быть крупной художественной величиной. Странно, конечно, серьезно говорить о Брюлловѣ, какъ о колористѣ, что дѣлаютъ восторженные хвалители, съ современной точки зрѣнія: нашъ глазъ привыкъ къ такимъ удивительнымъ тонкостямъ колорита современной живописи, что картины Брюллова могутъ показаться только скучными, черными и красочными. Но даже и въ свое время, хотя, конечно, онъ и въ этомъ отношеніи превосходилъ Егоровыхъ, Шебуевыхъ, Басинныхъ и пр., онъ не былъ выдающимся колористомъ, хотя бы только приближающимся къ бессмертнымъ колористамъ Веласкецу, Ванъ-Дейку, Рембрандту и знаменитымъ италіанцамъ. За то Брюлловъ дѣйствительно великолѣпно владѣлъ рисункомъ, особенно линіей, чертой, что такъ сильно выразилъ г. Рѣпинъ въ своемъ словѣ на актѣ, и въ этомъ смыслѣ не утратилъ до сихъ поръ, да вѣроятно, и никогда не утратитъ эстетическаго значенія. Истинное эстетическое наслажденіе доставляютъ рисунки, даже наброски Брюллова, гдѣ въ простыхъ чертахъ столько удивительной гибкости и выразительности, гдѣ столько знанія, пониманія формы, пропорцій, ракурса. Таковъ, напр., его чудный эскизъ „Распятіе“, эготъ шедевръ, эготъ поразительный, по тонкости и въ то же время широтѣ выполненія, рисунокъ. И здѣсь заслуга его очень крупна. Въ его картинахъ современники впервые познакомились съ первокласснымъ мастерствомъ въ рисунокѣ, должны были понять, что значитъ живой изящный рисунокъ, уровень вкуса сразу долженъ былъ подняться, стала невозможной царившая раньше ложно-классическая мертвая деревянность рисунка, для художниковъ Брюлловъ сталъ школой въ смыслѣ рисунка, идеаломъ, къ которому они должны были стремиться.

Вотъ его воспитательное значеніе. Велика и другая его заслуга, отмѣченная на актѣ въ рѣчи г. В. Маковского. Брюлловъ несомнѣнно силой своего таланта пробудилъ и возбудилъ сильный интересъ къ нашему искусству въ современникахъ. Безъ сомнѣнія, эготъ интересъ появился бы и самъ путемъ историческаго хода развитія и общества, и искусства, вѣдь уже въ лицѣ Фетотова нарождалась школа нашихъ реалистовъ, но Брюлловъ былъ своего рода Петромъ Великимъ, давшимъ толчокъ, сдѣлавшимъ первый крупный шагъ.

Но все-таки зачѣмъ же неумѣренность и зачѣмъ говорить, что Брюлловъ всегда будетъ на первомъ мѣстѣ во главѣ русскихъ художниковъ? Превосходный рисовальщикъ, онъ не былъ ни глубокимъ, ни національнымъ художникомъ, что уже чувствовали нѣкоторые, правда, очень немногіе его современники. Одинъ изъ нихъ художникъ, далеко не такъ превознесенный и прославленный въ свое время, но гораздо болѣе глубокий и оригинальный, имя котораго, впрочемъ, ставилось на ряду съ именемъ Брюллова,—Ивановъ имѣетъ гораздо болѣе правъ на первое мѣсто, ибо, помимо оригинальности и глубины дарованія, онъ несомнѣнно былъ первый нашъ глубоко-національный художникъ. Достаточно ли онъ одинокъ? Многіе ли знакомы съ его дивными поразительно своеобразными эскизами на сюжеты изъ Библии и Евангелія? Хотѣлось бы назвать и еще нѣсколько именъ нашихъ чудныхъ художниковъ, достойныхъ занять первое мѣсто, но время окончательной оцѣнки ихъ можетъ быть дѣйствительно еще не наступило...

Непріятно звучать диссонансомъ въ общемъ восторженномъ хорѣ, но, перефразируя извѣстное изреченіе: — Amicus Plato, sed magis amica ars. Зачѣмъ преувеличивать, зачѣмъ фальшивить, зачѣмъ морочить публику, принимающую за чистую монету не только слова знаменитостей, а и не подписанныя газетныя статьи, зачѣмъ вредитъ современному искусству, фальшиво превознося уже отжившее и имѣющее историческое значеніе?..

Передъ лицомъ искусства не должно быть ни фальши, ни преувеличенныхъ восторговъ, — должна быть только правда.

А. Ростиславовъ.

ХРОНИКА

театра и искусства.

Въ виду поданнаго въ Совѣтъ заявленія 31 члена Русскаго Театральнаго Общества о созывѣ чрезвычайнаго Общаго Собранія, въ возможно скоромъ времени, по вопросу о созывѣ 2-го Всероссийскаго Съѣзда сценическихъ дѣятелей въ 1900 г., во время Великаго поста въ Москвѣ, таковое Собраніе назначается Совѣтомъ на 5 января 1900 г., въ 1 ч. дня, въ фойѣ Александринскаго театра.

* * *

Одинъ изъ режиссеровъ Императорской русской оперы г. Монаховъ уѣхалъ какъ говорить, въ провинцію для приглашенія лучшихъ провинціальныхъ артистовъ и хористовъ.

* * *

10 января состоится бенефисъ В. П. Далматова. Идетъ «Макбетъ», если не ошибаюсь, на русскомъ языкѣ въ Петербургѣ въ первый разъ. Бенефисъ талантливаго артиста является, такимъ образомъ, крупнымъ театральнымъ событіемъ. Остальные бенефисы гг. Орленева и Бравича состоятъ позднѣе. Первый окончательно остановился на «Lorensacio», второй предполагаетъ поставить передѣлку «Отцовъ и дѣтей». Передѣлка принадлежитъ перу одного актера Александринскаго театра.

* * *

На лѣто организуется поѣздка г. Бравича, съ г-жей Коммиссаржевской и г. Варламовымъ. Постомъ г-жа Коммиссаржевская будетъ играть въ Варшавѣ.

* * *

По словамъ „Моск. Вѣдом.“, служащимъ въ Императорскихъ театрахъ „квартирные“ деньги увеличиваются съ будущаго года на 40%. Артистамъ остается пожалѣть, что въ окладѣ ихъ жалованья нѣтъ разряда квартирныхъ денегъ.

* * *

Въ непродолжительномъ времени на Маринской сценѣ будетъ поставлена «Юдифь». Предполагается, по слухамъ, выписать изъ Москвы г. Шаляпина для роли «Олоферна».

* * *

Драма П. А. Сергѣенко «Сократъ» принята къ постановкѣ на сценѣ Александринскаго театра. Пьеса требуетъ сложной декоративной обстановки (2-е дѣйст. происходитъ на афинской площади, 3-е—на судѣ геліастовъ, 4-е—въ тюрьмѣ). «Сократъ» пойдетъ лишь въ слѣдующемъ сезонѣ. Роль Сократа поручена М. И. Писареву.

* * *

22 января, въ залѣ Дворянскаго Собранія, по инициативѣ г-жъ М. А. Сольской и М. И. Долиной, состоится блестящій ежегодный симфоническій концертъ, весь сборъ съ котораго поступитъ въ пользу Георгіевской общины, состоящей подъ Августѣйшимъ покровительствомъ Императрицы Маріи Феодоровны. Въ концертѣ принимаютъ участіе: оркестръ Императорской оперы, подъ управленіемъ извѣстнаго дирижера Камилла Шевильера, большой симфон. хоръ К. фонъ-Баха, М. И. Долина, А. К. Глазуновъ, Эрнестъ Едличекъ (рояль), проф. Берлинской королев. консерваторіи, Арриго Серато изъ (Мадрида), испанскій виртуозъ-скрипачъ и первый теноръ парижской оперы Жоржъ Унгеръ Федоровъ.

* * *

Мы получили слѣдующее письмо:

Члены общества «Досуговъ Сезона» въ Нижнемъ-Новгородѣ выражаютъ редакціи журнала «Театръ и Искусство» глубокую признательность за сочувствіе и поддержку, выжившую въ статьѣ о «Досугахъ Сезона» въ 49-мъ № журнала, и просятъ напечатать слѣдующее воззваніе:

«Приглашаемъ всѣхъ русскихъ драматическихъ артистовъ, а равно и всѣхъ желающихъ, присоединиться къ нашей идеѣ (см. № 49 «Театра и Искусства») и способствовать накопленію и увеличенію капитала «Досуги Сезона», препровождавъ пожертвованія въ Совѣтъ Русскаго Театр. Общества (С.-Петербургъ, Караванная ул. № 9, кв. 6) для приобщенія къ означенному капиталу».

* * *

Въ воскресенье, 2-го января 1900 г., въ залѣ Дворянскаго Собранія состоится ежегодный большой концертъ въ пользу Русскаго Театральнаго Общества.

* * *

Все хорошо, что хорошо кончается. Какъ мы предсказывали, недоразумѣніе съ г. Фигнеромъ улажено и артистъ, «послѣ долгаго раздумья и антракта злого», снова выступаетъ

Теноръ Унгеръ-Федоровъ.

на сценѣ Маринскаго театра. Тѣмъ не менѣе, на этихъ дняхъ предстоятъ дебюты новаго тенора, г. Федорова, объ успѣхахъ котораго въ Москвѣ мы сообщали. Даемъ портретъ его въ настоящемъ номерѣ.

* * *

Музыкальныя новости.

Въ теченіе Великаго поста въ Маринскомъ театрѣ вмѣсто оперныхъ спектаклей будетъ устроенъ рядъ симфоническихъ концертовъ подъ управленіемъ г. Направника и нѣкоторыхъ иностранныхъ дирижеровъ.

Въ будущемъ сезонѣ на сценѣ Маринскаго театра предполагается къ постановкѣ новая опера г. Римскаго-Корсакова «Царская невѣста».

* * *

Въ Берлинѣ, 18 декабря (н. с.), въ новомъ оперномъ театрѣ Кроля, выступила наша талантливая артистка М. И. Горленко-Долина. Крайне интересный по своей программѣ концертъ привлекъ многочисленную публику. Императоръ Вильгельмъ поручилъ передать артисткѣ свое сожалѣніе по поводу своего отсутствія. Г-жа Долина исполнила свою извѣстную арію Вани изъ «Жизни за Царя», «Berceuse guerrière» изъ оперы «L'Attaque du Moulin» А. Бруно, «Mignon» Чайковскаго и «Liebes-Orakel» Е. Гумпердинка. Приводимъ нѣсколько отзывовъ объ этомъ интересномъ вечерѣ:

Berl. Fremdenblatt: «Концертъ, благодаря участию превосходной артистки г-жи Горленко-Долиной, представлялъ выдающійся интересъ. Своими аріями изъ «Жизни за Царя» и «Liebes-Orakel» она плѣнила публику».

Neue Preus. Zeit.: «Солисткой выступила г-жа Долина, которая здѣсь достаточно хорошо извѣстна; пѣніе показало, что въ своемъ блестящемъ артистическомъ пути она достигла проникновеннаго, полного души исполненія».

Die Post: «Представительницей пѣнія и заграничнаго искусства явилась на вечерѣ г-жа Долина. По своей школѣ, технику декламации, по блестящимъ голосовымъ даннымъ, артистка является выдающейся пѣвицей».

Berl. Cour.: «Г-жа Долина выказала себя очень одаренной пѣвицей. Исполненные аріи и пѣсни доставили ей вполне заслуженный успѣхъ».

* * *

Поставленная въ бенефисъ З. В. Холмской драма кн. Д. П. Голицына «Максимъ Сумбуловъ» имѣла крупный успѣхъ. Автора усердно вызывали послѣ послѣднихъ четырехъ картинъ. Много рукоплесканій вызвали также исполнители. На первомъ представленіи пьесы кн. Голицына присутствовала избранная публика: много сенаторовъ, членовъ Государственнаго Совѣта, министры военный, юстиціи, земледѣлія, иностранныхъ дѣлъ, предсѣдатель комитета министровъ И. Н. Дурново, статсъ-секретарь Плеве и мн. др. Большое впечатлѣніе произвела народная

картина стрѣлцаго бунта, за которую былъ вызванъ г. Быховецъ-Самаринъ.

О самой пьесѣ см. ниже «Театральныя замѣтки».

Музыкальная картина молодого и талантливаго композитора г. Юферова, исполняемая между 3 и 4-мъ актами драмы князя Голицына «Максимъ Сумбуловъ», къ ней спеціально написанная, имѣла съ перваго же представленія большой успѣхъ. Это произведеніе съ несомнѣнными достоинствами. Облеченное въ доступную, популярную форму, весьма мелодичное, разнообразное по содержанію, оно, однако, звучитъ, въ извѣстной степени, изысканно. Маленькій оркестръ Малаго театра — не симфоническій оркестръ, и композиторъ могъ-бы почаще прибѣгать къ tutti и поменьше къ тонкой симфонической инструментовкѣ. Въ техническомъ отношеніи особенно понравилась широкая русская тема и граціозная кантилена, тонко обрисованная оркестромъ. Впрочемъ, разбирая произведеніе Юферова, надо имѣть въ виду трудную задачу достигнуть надежащаго впечатлѣнія, имѣя въ распоряженіи оркестръ въ 22 музыканта, съ крайне слабымъ, по необходимости струннымъ квартетомъ. Во всякомъ случаѣ, молодой композиторъ разрѣшилъ свою задачу вполне удачно и подарилъ музыкальной литературѣ оригинальную вещь — симфоническую картину, написанную спеціально для маленькаго оркестра. За границею, въ Германіи, существуетъ пѣлый репертуаръ приспособленныхъ для маленькихъ оркестровъ симфоническихъ и иныхъ произведеній, написанныхъ для большихъ оркестровъ, но и тамъ, кажется, нѣтъ симфоническихъ картинъ, написанныхъ для оркестра въ 22 музыканта.

Пьеса г. Юферова, надо замѣтить, написана далеко не шаблонно какъ въ ритмическомъ отношеніи, такъ и въ смыслѣ фактуры, такъ что она требовала умѣлаго, внимательнаго и талантливаго дирижера, какимъ и оказался г. Коръ-де-Ласъ.

Я. А. П. П.

Намъ пишутъ изъ Москвы:

Комедія г. Чайковскаго «Предразсудки», данная въ театрѣ Корна, въ бенефисъ М. Я. Романовской, прошла прилично. Собръ небольшой. Слѣдующій бенефисъ г-жи Миткевичъ, которая ставитъ «Женихъбу Бѣлугина».

Въ частной оперѣ идутъ усиленные репетиціи оперы г. Кроткова «Ожерелье». По слухамъ, въ будущемъ году частная опера прекращаетъ свою дѣятельность.

Репертуаръ Художественно-Общедоступнаго театра будущаго сезона почти выяснился, пойдетъ третья часть трилогіи А. К. Толстого «Царь Борисъ», «Накинъ» П. Д. Воборыкина, новая пьеса А. П. Чехова, новая пьеса Вл. И. Немировича-Данченко, трилогія Шнитцлера, одна пьеса Гауптмана и одна Йосена. Театръ «Эрмитажъ», въ которомъ играетъ труппа, капитально передѣлывается, причѣмъ прибавлено будетъ четыреста мѣсть. *Новый.*

Имѣтъ пророка въ своемъ отечествѣ. Г. Цезарь Кюи, котораго оперныя произведенія встрѣчаются, обыкновенно

† Н. А. Мирскій.

въ Петербургъ весьма сдержанно, уѣхалъ изъ Москвы, гдѣ на прошлой недѣлѣ въ частной оперѣ былъ поставленъ его „Кавказскій Пльничекъ“ триумфаторомъ. Отзывы московскихъ газетъ также весьма благоприятны.

Въ пятницу, 10 декабря, въ Московскомъ Маломъ театрѣ впервые была поставлена новая комедія П. П. Гитдича „Завѣщаніе“. Главныя роли были распределены между г-жей Ермоловой (Ида Константиновна), гг. Южинымъ (Чебышевъ), Макшеевымъ (Ползуновъ), Ильинскимъ (Баранинъ) и др. Исполненіе, какъ намъ пишутъ, было не особенно блестящее. Пьеса имѣла успѣхъ, хотя не крупный.

Въ четвергъ, 16 декабря, въ „Художественномъ Общественномъ театрѣ“ шла пьеса „Одинокіе“ Гаушмана. въ переводѣ Н. Е. Эфроса. Пьеса прошла уже два раза съ огромнымъ успѣхомъ, и при переполненномъ театрѣ.

Маршрутъ поѣздки артистовъ Малаго театра гг. Южина, Рыбакова, Макшеева, Яблочкиной и др. слѣдующій: Воронежъ, Ростовъ, Харьковъ, Кіевъ и Одесса.

Провинціальныя новости. Часть кievской труппы Н. Н. Соловцова будетъ весенній сезонъ играть въ Тифлисѣ.

Главнымъ режиссеромъ въ Харьковѣ на слѣдующій сезонъ остается Л. К. Людвиговъ. На будущій сезонъ, какъ намъ пишутъ, заключены контракты съ г-жами Юрьевой, Блюменталь-Тамариной и г. Глюске-Добровольскимъ. По слухамъ, ведутся также переговоры съ г-жей Пасхаловой.

Пензенскій театръ на будущій годъ заарендованъ вновь Н. М. Бориславскимъ, который самъ будетъ держать драматическую труппу. По слухамъ, К. Н. Незлобинъ отказывается на будущій годъ отъ аренды Виленскаго театра.

Въ рижскомъ городскомъ театрѣ на-дняхъ шла драма кн. Сумбатова „Старый закалъ“ въ передѣлкѣ А. Цабеля (Im Dienst) кое-что отличалось странностями. Такъ, вмѣсто мрачнаго Кавказа, изображался пріятливый Тироль. Въ общемъ, однако, нѣмецкіе артисты съ большимъ стараніемъ отнеслись къ своей задачѣ.

Еще крахъ! Въ Гомелѣ прекратилъ платежи антрепренеръ опереточной труппы Г. И. Шварцъ. Актеры разбрелись въ разныя стороны.

Политическія событія проникли даже.. въ циркъ В. Л. Дурова въ Кронштадтѣ.

Первый актъ новой пантомимы — „У зулусовъ въ Южной Африкѣ“, гдѣ будутъ фигурировать живые дикіе звѣри. Второй актъ „Англичане въ плѣну у буровъ“ и 3-й актъ „Паденіе Лэдисмита“.

Сообщеніе пале о смерти П. К. Красовскаго оказалось, къ счастью, невѣрнымъ. По примѣтѣ—долго жить! Но зачѣмъ г. мистификатору понадобилась это глупая путка? Удивляемся!

„Донская рѣчь“ сообщаетъ, что на-дняхъ состоится открытіе нахичеванскаго городского театра.

Театръ построенъ на 710 мѣствъ: въ партерѣ — 300, въ двухъ ярусахъ ложъ—160 и въ 3 ярусѣ (галлерей)—250 мѣствъ. По договору города съ антрепренеромъ Н. Н. Синельниковымъ, послѣдній будетъ давать по два спектакля въ недѣлю: одинъ по обыкновеннымъ и второй по общедоступнымъ цѣнамъ, съ участіемъ премьеровъ и премьершъ труппы. Полный бенефисный сборъ опредѣленъ въ 835 руб., обыкновенный—730 руб. и по общедоступнымъ цѣнамъ—525 руб.

6-го декабря, въ Одессѣ въ Русскомъ театрѣ произошелъ случай, едва не окончившійся катастрофой. На сценѣ шла пьеса «Вій». Послѣ третьяго акта, когда публика большею частью находилась въ буфетѣ и въ фойе, въ зрительномъ залѣ внезапно потухло электрическое освѣщеніе: Отъ лопнувшей электрической проволоки загорѣлась деревянная обшивка. Оказалось что вслѣдствіе порчи водопроводнаго крана, вода внезапно хлынула на электрической проводъ, приостановивши освѣщеніе въ зрительной залѣ. Къ счастью, все обошлось благополучно, но по причинѣ порчи электричества, спектакль не былъ оконченъ.

Съ окончаніемъ нынѣшняго зимняго сезона кончаются и договоры на аренды театровъ въ Самарѣ, Оренбургѣ, Ярославлѣ, Владикавказѣ и др. городахъ. Очень важно, если-бъ городскія управы включили въ контрактъ съ новыми антрепренерами пунктъ, на основаніи котораго антрепренеры во все время дѣйствія договора обязаны лично за своей отвѣтственностью вести дѣло и не передавать театръ другимъ лицамъ.

Провинція s'amuse.

Въ Тулѣ произошелъ такой эпизодъ. У театра, въ концѣ спектакля, какъ водится, собрались извозчики въ ожиданіи отъѣзда. Передъ концомъ спектакля нѣкто Б., тоже присутствовавшій въ театрѣ, вышелъ на улицу, уѣлся въ сапоги перваго подлетѣвшаго извозчика и зычно крикнулъ остальнымъ: — Извозчики! Всѣ за мной!.

Извозчики, зная, что онъ имъ щедро заплатитъ — тронулись за Б. цѣлой вереницей, и бѣдной публикѣ подъ снѣгомъ, сыпавшимъ сверху, утопая въ снѣгу, лежавшемъ сугробами на улицахъ,—пришлось совершать путешествіе изъ театра домой пѣшкомъ.

Второй случай. «Кіев. Сл.» рассказываетъ слѣдующій фактъ, къ характеристикѣ «интеллигентнаго театралла» въ провинціи. Въ Харьковѣ былъ объявленъ бенефисъ П. В. Самойлова. Вечеромъ, когда надъ кассой висѣлъ анонсъ о продажѣ всѣхъ билетовъ, подошелъ г. Б.—и попросилъ билетъ. Кассирша отвѣтила, что «билеты проданы».

— Что за нахальство, продавать билеты за два дня.

Кассирша закрыла оконце кассы, замѣтивъ, что ей напрасно нанесена дерзость. Г. Б. тогда съ гнѣвомъ ударилъ въ стекло и разбилъ его съ такой силой, что осколки посыпались на кассиршу.

Народный театръ на Пороховыхъ. Интересъ къ народному и солдатскому театрамъ все разрастается. Помимо энергичной, хотя, можетъ быть, и не всегда цѣлесообразной, дѣятельности въ этомъ направленіи Попечительства о народной трезвости, образуются какъ въ столицахъ, такъ особенно въ провинціи отдѣльные кружки, устраивающіе народныя развлеченія первоначально на самыхъ скромныхъ началахъ, а затѣмъ все расширяя и расширяя свою дѣятельность. Нѣкоторые изъ этихъ кружковъ иногда превращаются, какъ, напр., въ Саратовѣ, въ цѣлыя общества. Подобнымъ же путемъ возникъ и народный театръ на Пороховыхъ. Этотъ театръ заслуживаетъ извѣстнаго вниманія, почему будетъ не лишнимъ рассказать краткѣ его исторію, любезно сообщенную мнѣ управляющимъ театра. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ капитану Николаеву, издавна интересующемуся народнымъ театромъ, пришла въ голову счастливая мысль — поставить нѣсколько любительскихъ спектаклей специально для рабочихъ и солдатъ, которыхъ, какъ извѣстно, на Пороховыхъ заводахъ большое количество. Первые спектакли были поставлены въ бывш. Парковскомъ клубѣ и возбудили большой интересъ среди рабочаго люда. Тогда рѣшено было ставить эти спектакли уже систематически. Въ нѣкоторыхъ пьесахъ исполнителями являлись исключительно рабочіе, которые, по отзыву строителя, относились къ этому дѣлу съ рѣдкими рвеніемъ и старательностью. Спектакли принесли кружку строителей значительный доходъ, который былъ употребленъ на покупку музыкальных инструментовъ. Для постройки specialнаго зданія, приспособленнаго для театральныхъ представлений, черезъ покойнаго генерала Кашинскаго была исходатайствована отъ Министрства Финансовъ субсидія. Воспользовались однимъ изъ заводскихъ зданій. Субсидія была выдана въ размѣрѣ 3500 р., но денегъ этихъ не хватило и пришлось нѣсколько разъ испрашивать добавочныя суммы, такъ что въ концѣ концовъ перестройка обоилась въ 9 съ лишнимъ тысячъ руб. Новый театръ производитъ прекрасное впечатлѣніе; вмѣстительный зрительный залъ очень уютенъ. Внизу помѣщаются 17 рядовъ ступель (мѣста 1—5 рядовъ по 1 р. 50 к., 6—11 ряд. по 40—30 к., 12—17 рядовъ по 25—15 к., и 7 рядовъ скамеекъ (по 10 к.). На верху (2-й ярусъ) устроены 23 ложи, что даетъ возможность посѣщать театръ и мѣстной интеллигенціи, оторванной, вслѣдствіе неудобствъ сообщенія, отъ центра столицы. Главный контингентъ посѣтителей составляютъ рабочіе и солдаты, но зато ложи и первые ряды ступель занимаютъ офицерствомъ, служащими на заводѣ и ихъ семействами. Въ антрактахъ, въ фойе театра, помѣщаемемся за зрительнымъ заломъ, около буфета, встрѣтишь и сѣрую солдатскую шинель, и франтика-офицера. Дисциплина отъ этого, повидимому, нисколько не страдаетъ.

Первое время спектакли въ этомъ театрѣ ставились любительскимъ кружкомъ, но затѣмъ рѣшено было сдавать его театральнымъ предпринимателямъ на льготныхъ условіяхъ (10% съ валоваго сбора за помѣщеніе, освѣщеніе и прислугу). Прошлый сезонъ спектакли ставила труппа драматическихъ артистовъ, подъ управленіемъ г-жи Дашковой, а въ нынѣшнемъ сезонѣ театръ сланъ А. Иванову.

Впервые попасть въ этотъ театръ мнѣ пришлось въ воскресенье, 12 декабря. Шла комедія «На порогахъ великихъ событій». Конечно, эта пьеса едва-ли умѣстна на сценѣ народнаго театра, но изрѣдка отчего же не ввести въ образцовый репертуаръ и что-нибудь веселенькое, хотя бы даже и пустоватое? Смѣяться, даже «утробнымъ» смѣхомъ, совѣмъ не грѣшно.—Исполненіе было въ общемъ очень недурное. Г. Вигандъ, напр., прекрасно изображалъ Фурсинова, хотя и замѣ-

чалось нѣкоторое стремленіе къ шаржу. Хорошо игралъ Сухорѣлова и г. Аржанниковъ, типично загримированный. Изъ дамъ слѣдуетъ отмѣтить г-жу Григорьеву, исполнившую съ должной выдержкой и безъ всякаго переигрыванія Прасковью Тихоновну, и г-жу Немерцалову, мило и просто сыгравшую Надежду Павловну. Недурна была и г-жа Тамара въ роли Вѣрочки, но только костюмъ оставлялъ желать многого: такія платья «бебе» болѣе умѣстны въ какомъ-либо кафе-шантанѣ, чѣмъ на сценѣ народнаго театра. *Вл. Линскій.*

* * *

На торжественномъ актѣ въ память столѣтней годовщины со дня рожденія К. П. Брюллова, 12 декабря былъ прочитанъ слѣдующій адресъ Театральнаго Общества.

Сегодня, въ годовщину столѣтія со дня рожденія Карла Павловича Брюллова, сценическіе дѣятели, которымъ дороги успѣхи всѣхъ отраслей художественнаго творчества, присоединяясь съ полнымъ сочувствіемъ къ общему хвалебному гимну отечественныхъ художественныхъ обществъ, привѣтствуютъ память большого художника, знаменитаго живописца, успѣвшаго талантливымъ сочетаніемъ красокъ вдохнуть жизнь въ полотна и подарить человечеству ярко талантливыя воспроизведенія историческихъ и современныхъ ему моментовъ.

Русское Театральное Общество привѣтствуетъ въ Карлѣ Павловичѣ одного изъ первыхъ русскихъ свободныхъ художниковъ-пионеровъ на западѣ Европы, заставившаго съ уваженіемъ заговорить за границей, о русской школѣ, привѣтствуютъ истиннаго артиста, подготовившаго успѣхъ послѣдующему, все болѣе и болѣе увеличивающемуся, мировому значенію отечественнаго художественнаго творчества. Сценическіе дѣятели знаютъ, какъ высоко ставилъ Карлъ Павловичъ званіе художника, какъ онъ имъ дорожилъ и какъ заставлялъ другихъ съ почтеніемъ относиться къ искусству и, вспоминая образъ этого выдающагося, пользующагося исключительной популярностью художника, съ полной искренностью и сердечной теплотой провозглашаютъ Брюллову славу.

Въ качествѣ депутатовъ присутствовали: М. Г. Савина, М. Л. Славина, К. А. Варламовъ, Е. П. Карповъ, Н. О. Сазоновъ, О. И. Стравинскій, Н. Н. Фигнеръ.

Письма въ редакцію.

М. Г., г-нъ Редакторъ. Антрепренеры провинциальныхъ театровъ постоянно обвиняютъ актеровъ, что тѣ не исполняютъ условій, и, беря впередъ авансомъ деньги не приѣзжаютъ на службу и не возвращаютъ взятыхъ денегъ. Мнѣ интересно знать, какъ я долженъ поступать при слѣдующихъ обстоятельствахъ.

Въ октябрѣ настоящаго года я получаю предложеніе отъ г. Шильдкретъ служить въ г. Екатеринославѣ. На это предложеніе я изъявляю свое согласіе, договариваюсь относительно условій, и получаю авансъ 60 руб. Между тѣмъ, я случайно узнаю, что г. Шильдкретъ держитъ драму, не до Великаго поста, а только до праздниковъ Рождества.

До полученія аванса, я спрашиваю его объ этомъ письмомъ и получаю телеграмму, что служба до Великаго поста (телеграмма у меня хранится). Случилось такъ, что я заболѣлъ инфлюенцой и, волей не волей, не могъ въ срокъ поѣхать — проболѣвъ около мѣсяца, о чемъ, конечно, извѣстилъ г. Шильдкретъ. Теперь же, когда я выздоровѣлъ и могу ѣхать на службу, я получаю отъ г. Шильдкретъ, что мои услуги не нужны, такъ какъ у него драмъ конецъ, а начинается опера, почему я долженъ возвратитъ авансъ.

На чьей сторонѣ право — и какъ я долженъ поступить?

Актеръ П. Новиковъ.

ОПЕРЕТКА ВЪ ТЕАТРѢ НЕМЕТТИ.

Г-жа Милотина.

Г-жа Морская.

Милостивый Государь, г. Редакторъ! Не откажите пожалуйста дать мѣстечко на страницахъ Вашего журнала моему письму, въ которомъ я хочу привести нѣсколько соображеній, близко касающихся интересовъ всѣхъ членовъ Общества Драматическихъ Писателей. Уже давно, особенно среди драматурговъ, живущихъ въ провинціи, раздаются сѣтованія на существующую систему расчетовъ Общества съ авторами, которая не даетъ возможности заинтересованнымъ лицамъ во всякое время самолично проконтролировать, правильно ли составленъ отчетъ. Порядокъ полученія этихъ отчетовъ такой: по требованію высылаются изъ Москвы по почтѣ авторскій гонораръ и при немъ прилагаются листки, указывающіе, что такого-то числа, въ такомъ-то городѣ, шла пьеса, за нее полагается, за удержаніемъ процентовъ агенту и Обществу, столько-то. Нерѣдко замѣчаются ошибки, причемъ когда авторъ на нихъ указываетъ, то автору любезно доплачиваютъ, не требуя даже доказательствъ справедливости его заявленія и ссылаясь только на то, что при такомъ обширномъ дѣлѣ невозможно избѣжать ошибокъ. Съ этимъ доводомъ нельзя не согласиться, но, съ другой стороны, именно этотъ-то доводъ и указываетъ, что теперешняя система расчета не удовлетворительна. Можно сказать: «темна вода въ облацѣхъ небесныхъ».

Я далекъ отъ мысли заподозрить въ этомъ случаѣ какія либо злоупотребленія; наоборотъ, я убѣжденъ, что къ этому дѣлу приставлены люди честные и безусловно порядочные. Но это нисколько не избавляетъ отъ необходимости такъ поставить дѣло, чтобы каждое заинтересованное лицо могло слѣдить за тѣмъ, не пропустилъ-ли агентъ по небрежности представленіе пьесы или не перепуталъ-ли чего въ своихъ листкахъ?

Общество достаточно богато, чтобы позволить себѣ извѣстный расходъ на упорядоченіе этой части, министерство же внутреннихъ дѣлъ, всегда внимательно относящееся къ нуждамъ Общества, не откажетъ, конечно, съ своей стороны въ содѣйствіи, если оно потребуется.

Цѣль моего настоящаго письма вызвать обмѣнъ мнѣній о наилучшихъ способахъ осуществленія предлагаемой мною необходимой реформы.

Я бы, со своей стороны, полагалъ цѣлесообразнымъ печатать, за счетъ Общества, на страницахъ спеціальнаго театральнаго изданія періодически репертуаръ всѣхъ русскихъ театровъ; поручивъ особому лицу составлять его, на основаніи документовъ и афишъ, хранящихся въ главномъ управленіи по дѣламъ печати. Такимъ образомъ, существовало бы два списка — одинъ составляемый въ Комитетѣ Общества въ Москвѣ, другой — въ Петербургѣ, причемъ списки взаимно дополняли бы и провѣряли бы другъ другъ. Во вторыхъ, періодически публикуя списокъ, Комитетъ Общества предоставилъ бы всѣмъ авторамъ возможность провѣрять счетъ, что, кромѣ пользы и удовольствія, ничего не доставило бы какъ авторамъ, такъ и Комитету. На дѣлопроизводство Комитета тратятся такія суммы, что новый расходъ можно сдѣлать безъ какихъ либо усилій.

Петербургскій Членъ Общества.

Музыкальныя замѣтки.

Четвертое симфоническое собраніе (11 декабря) состоялось при участіи профессора Парижской консерваторіи Рауля Пюньо, вызваннаго не мало восторговъ еще въ прошлагодній свой приѣздъ. Какъ пианистъ, нашъ французскій гость — величина очень интересная, и о немъ стоитъ поговорить нѣсколько подробнѣе, тѣмъ болѣе, что онъ выступалъ на этой недѣлѣ во всѣхъ концертахъ, о которыхъ ниже идетъ рѣчь. Прежде нѣсколько словъ о симфоническомъ концертѣ подъ управленіемъ г. Блуменфельда. Печальное это было управленіе! Упражняйтесь въ

управленіи оркестромъ одна статья; но учиться управлять оркестромъ статья другая. Г-ну Блуменфельду техника дирижирования едва-едва извѣстна, рука не твердая, движеніе совершенно не выработано. Заниматься этимъ на концертахъ уже нѣсколько поздно. Если г. Блуменфельду общепринятые темпы въ произведеніяхъ, сотни разъ игранныхъ, не извѣстны, то слѣдовало бы ему обратиться за этими свѣдѣніями къ какимъ-нибудь компетентнымъ лицамъ. Отъ перваго до послѣдняго темпы симфоніи Шумана были взяты слишкомъ медленно. Получилась какая-то размазня и отъ потугъ передать «Ромео и Джульету» Чайковского. Публику симфоническихъ собраний, къ счастью, провести трудно и смѣлостью ее не покоришь. Не смотря на поднесенное къ-то лавровое колесо съ бантомъ—вотъ тоже медвѣжья услуга!—г. Блуменфельдъ воспріялъ его при жидкихъ хлопкахъ жизнерадостныхъ гимназистовъ.

Программу закончилъ «торжественный маршъ открытія всемирной Колумбовской выставки». Что намъ Гекуба и что мы Гекубѣ?! Къ чему понадобилось вытащить сію «pièce d'ossiod», не заключающую ничего интереснаго?

Программа вмѣщала въ себя удивительнѣйшій курьезъ, свидѣтельствующій о степени начитанности автора? Страница 2-я гласила: «У Шумана явилось желаніе вполнѣ овладѣть сонатной формой, въ которую облекается и симфонія, «подъ вліяніемъ своего современника Мендельсона»... До сей поры было извѣстно, что симфонія благополучно «облеклась» уже въ 1721 г., на что имѣются указанія Финка, Бренз и многихъ другихъ ученыхъ, которыхъ не читаютъ въ редакціи ученыхъ программъ русскаго музыкальнаго общества. До Мендельсона, жили да были Гайднъ, Моцартъ и Бетховень, которыхъ, пожалуй, не мѣшало бы вспомнить прежде, чѣмъ облекать симфонію въ сонату при помощи Мендельсона. И что за выраженіе «симфонія облекается» сонатной формой?! Симфонія есть развитіе сонатной формы, которое продолжа-

лось вплоть до девятой симфоніи Бетховена. При чемъ же тутъ «облаченіе» при Мендельсонѣ?

Далѣе говорится «эта симфонія (рѣчь идетъ о 1-ой симфоніи, В—dur) была написана въ 1840 г. подъ впечатлѣніемъ счастливой весны, наступившей въ сердечной жизни Шумана». Увы, симфонія эта была написана въ 1832 году въ Цвикау, гдѣ и была исполнена въ томъ же году, а не въ 1841 году, какъ поучаетъ далѣе авторъ. Потому лучше сначала почитать, а потомъ уже писать и объ «облаченіяхъ» и о «сердечной веснѣ». А русскому музыкальному обществу стыдно выпускать подобныя писанія.

Г-нъ Рауль Пюньо, выступавшій въ концертахъ минувшей недѣли, окончилъ въ 66 году парижскую консерваторію по классу Маттіаса. Парижская консерваторія цѣнитъ въ немъ прекраснаго профессора, и его классъ на публичныхъ испытаніяхъ дѣйствительно оказывается, въ большинствѣ случаевъ, наиболѣе интереснымъ по законченности исполненія и пониманія авторовъ, въ особенности классиковъ, въ чемъ мнѣ лично приходилось убѣдиться.

Какъ пианистъ, г. Пюньо поражаетъ слушателя прежде всего своимъ удивительнымъ туше. Въ cantabile его пальцы поютъ, можно сказать, и проникаютъ своимъ пѣніемъ въ душу слушателя. Туше это тоже, что тембръ голоса, который не въ силахъ создать наипытнѣйшій профессоръ. Это даръ, который нужно умѣть сохранить. Къ сожалѣнію, въ нашъ вѣкъ погони за сухимъ развитіемъ техники, стремленіемъ поразить механизмомъ, работой, а не дарованіемъ, отъ юности сохраненное туше у опытнаго пианиста весьма рѣдко. Г. Пюньо является пріятнымъ исключеніемъ. Наряду съ дивной туше, у него первоклассная техника, съ легкостью преодолевающая всякія трудности. По темпераменту онъ лирикъ. Въ его натурѣ много поэтичности, которая на первый взглядъ не вяжется съ его массивной, внушительной фигурой.

Затѣмъ, слѣдуетъ отмѣтить его строгое и умное отноше-

ГАСТРОЛИ ДУЗЭ ВЪ БЕРЛИНѢ.

«ЭГМОНТЪ» Гетс.

Дузэ Клерхень.

нѣ къ классическимъ авторамъ, которыхъ онъ изучалъ долго и осторожно. Изучивъ всесторонне классическаго автора, Пюньо переживаетъ его, чувствуетъ и вкладываетъ въ игру широкое самостоятельное творчество. Какъ образованный музыкантъ, онъ интересуется всѣми школами и не ограничивается заиграннымъ репертуаромъ. Приятно обрадованный прошлогоднимъ приемомъ въ Россіи, онъ предполагалъ еще въ этомъ году посвятить часть своего репертуара русскимъ композиторамъ, въ особенности Чайковскому, передъ талантомъ котораго онъ, какъ и всякій интеллигентный музыкантъ, преклоняется. Къ сожалѣнію, его и публики, онъ не успѣлъ приготовить намѣченную программу и откладываетъ свои намѣренія до будущаго года.

Пюньо талантливый композиторъ. Небольшія вещицы, сыгранныя имъ въ этомъ году, какъ и въ прошломъ, полны романтизма. Помимо небольшихъ фортепیانныхъ произведеній, у Пюньо есть большія оркестровыя вещи, игранныя съ успѣхомъ въ Парижѣ. Большую сенсацию производятъ ежегодно въ Парижѣ его вечера сонатъ въ сообществѣ съ извѣстнымъ скрипачемъ Исайи.

Изъ исполненныхъ вещей въ теченіи этой недѣли, наибольшее впечатлѣніе произвела ut-дѣзная соната Бетховена, переданная въ совершенствѣ и съ простотой. Давно не приходилось слышать такого же образцоваго исполненія Бетховенскаго b-дурнаго тріо (кварт. собр.), которое прослушано было съ величайшимъ интересомъ. Въ своемъ концертѣ Пюньо посвятилъ первую часть классикамъ: Баху, Генделю, неглубокому, но изящному Скорлатти и Бетховену. Шуманъ и Шопенъ нашли въ Пюньо чудеснаго исполнителя. Изъ фантазій Шумана съ удивительной мягкостью и вдумчивостью исполнены были «Au soir» и «Amici» comedia finita est, въ особенности въ послѣдней—переходъ къ заключительной части.

«МАКСИМЪ СУМБУЛОВЪ».

Царевна Софья (г-жа Холмская).

5-я картина.

Наталья Кириловна (г-жа Яворская).

У Пюньо много силы, но сила эта мягкая, если можно такъ выразиться, а не рѣзкая, безъ крикливости.

Вообще, это мастеръ, выдающійся, и приятно было видѣть энтузіазмъ огромной толпы на его концертѣ. Изъ Петербурга г. Пюньо уѣхалъ въ Москву, а оттуда ѣдетъ въ Харьковъ и Варшаву. 19 января въ Нантъ объявлено торжественное собраніе мѣстнаго музыкальнаго общества въ честь нашего гостя.

5-е квартетное собраніе состояло изъ квартетовъ Шумана и Шуберта и тріо Бетховена. Квартетъ ор. 41 Шумана относится къ періоду между 1842—44 годами, когда были написаны его три квартета ор. 41. Это было то время въ жизни Шумана, когда онъ уже пришелъ къ сознанию недостаточности своего музыкальнаго образованія. Еще въ 1840 г. онъ убѣдился, что не въ состояніи братья за крупныя произведенія, въ которыхъ ярко блистали таланты великихъ музыкантовъ. Онъ принялся за изученіе ихъ партитуръ, стараясь наверстать потерянное время. Но результаты, тѣмъ не менѣе, были относительно не большіе и крупныя формы никогда не давались ему.

Квартетъ былъ переданъ очень хорошо. Замѣтна была сыгранность и выдержанность. Надо, однако, сказать, что быстрые пассажи у г. Вержбиловича выходили въ немъ тяжеловато. То же самое замѣчалось и въ квартетѣ Шуберта.

Б. М. Соловьевъ.

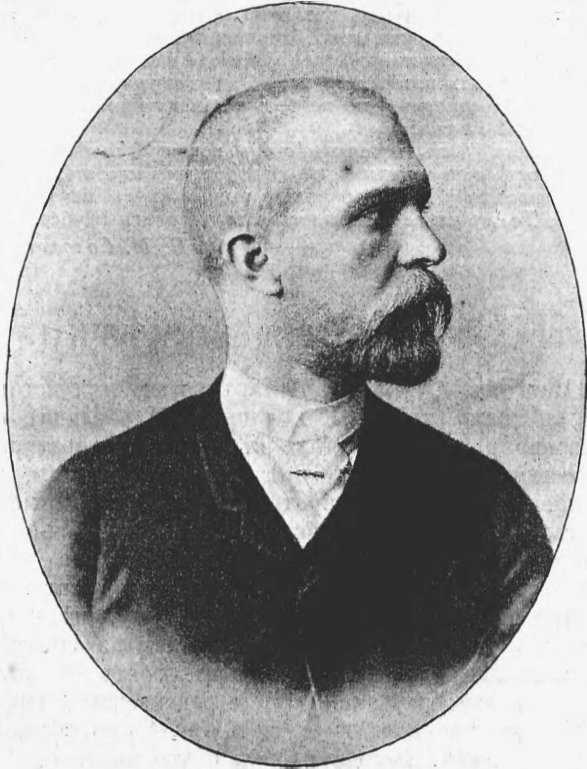
Театральныя замѣтки.

„Максимъ Сумбуловъ“—такъ называется историческая драма кн. Д. П. Голицына (Муравлина), поставленная на этой недѣлѣ въ театрѣ Литературно-артистическаго Кружка. Я сейчасъ не помню, кто въ печати возставалъ противъ обыкновенія называть пьесы по фамиліямъ дѣйствующихъ лицъ. Точно, такое названіе ничего не объясняетъ. Но этого мало. Еще чаще, оно заставляетъ публику думать, что центръ тяжести пьесы лежитъ въ томъ лицѣ, чьимъ именемъ окрещена пьеса, а между тѣмъ, это бываетъ совсѣмъ не такъ. И актеры очень любятъ выступать въ „заглавной“ роли. Такъ и рецензенты пишутъ: „въ заглавной роли выступилъ такой-то или выступила такая-то“. Выходитъ, какъ будто, почетно.

Вообще, вопросъ о названіи пьесы—совсѣмъ не праздный. Иногда названіе сбиваетъ публику съ правительнаго воззрѣнія на пьесу, и крайне затрудняетъ автора. В. П. Далматовъ, артистическій умъ котораго способенъ часто различать весьма тонкіе оттѣнки вещей, жаловался мнѣ

какъ-то, что его крайне стѣсняетъ заглавіе пьесы Леметра „Le mariage blanc“, шедшей по русски, года три назадъ, подъ названіемъ „Усталая душа“. Почему дама-переводчица сочинила это меланхолическое названіе—я не сумѣю сказать. Но никакой „усталой души“, какъ тенденціи, въ пьесѣ не было, а, между тѣмъ, про г. Далматова говорили,

„МАКСИМЪ СУМБУЛОВЪ“.

Кн. Д. П. Голицынъ (Муравлинъ).

что онъ играетъ хорошо, но даетъ мало усталости. А priori навязанъ взглядъ, что человекъ, которому нисколько не чуждо все земное, смотреть усталымъ путникомъ, и что въ этой интересной усталости—центр пьесы.

Талантливый авторъ „Максима Сумбулова“, мнѣ кажется, напрасно не перемѣнилъ названія. Я убѣжденъ, что, благодаря этому Максиму Сумбулову, многіе зрители станутъ искать въ пьесѣ послѣдовательнаго развитія сумбуловскихъ дѣйствій, и именно на нихъ сосредоточать преимущественное вниманіе. Подобно тому, какъ „Усталая душа“ отвлекала вниманіе публики отъ довольно сложной, хотя и нѣсколько искусственной, психологической драмы, какой является пьеса Леметра, — такъ точно „Максимъ Сумбуловъ“, представляющій не болѣе, какъ нѣкоторую дань требованіямъ романической интриги, въ состояніи отвлечь вниманіе отъ сущности драмы кн. Д. П. Голицына, захватывающей дѣлю эпоху, въ яркомъ и драматическомъ ея выраженіи. Максимъ Сумбуловъ—это стрѣлецъ, влюбленный въ царевну Софью, по ея наущенію бунтующій стрѣльцовъ, доставляющій ей правленіе, и затѣмъ удаляющійся въ монастырь, „не получивъ обѣщанной награды“. Я не силенъ въ исторіи, но говорятъ, что дѣйствительно былъ такой Сумбуловъ, и что этотъ Сумбуловъ дѣйствительно мучилъ стрѣльцовъ. Но, разумѣется, любовь, да еще пылкая, да еще романтическая — совершеннѣйшій миѳъ. Начну съ того, что царевна Софья была собой не хороша, и едва ли могла внушить страсть въ такомъ Аникѣ-воинѣ,

какъ Максимъ Сумбуловъ. Да и едва ли такой простой, хотя и необузданный, стрѣлецъ могъ чувствительно измѣнить теченіе политическихъ событій. Это—не болѣе, какъ занимательная интрига, искусно вплетенная въ историческую хронику кн. Д. П. Голицына, отличающуюся, вообще, большимъ талантомъ и большою свѣжестью настроенія.

Кн. Д. П. Голицынъ написалъ эту драму уже давно, и только слегка ее передѣлалъ, рѣшивъ нынѣ отдать ее на сцену. Максимъ Сумбуловъ, стрѣлецъ, носящій на себѣ черты героевъ Гюго, представляетъ до извѣстной степени дань автора молодости. Онъ прелестенъ, въ своей заносчивости, со своей горделивой повадкой, со своей, если можно выразиться, продерзостною страстью къ царевнѣ Софьѣ. Онъ отражаетъ именно молодость — молодость чувствъ, порывовъ, стремленій. Всѣ дѣйствующія лица драмы, вообще, молоды, кипучи и страстны, и это сообщаетъ особенный колоритъ всему произведенію.

Царевна Софья не только по молодому трактована, но и взята въ молодой періодъ жизни. Это—не та Софья, которая выведена въ „Правительницѣ Софьѣ“ Крылова. Софья еще не правительница, но стремится быть ею. Sie ist im Werden, какъ говорятъ нѣмцы. Автору улыбалась не застывшая и очерствѣвшая уже въ своихъ чертахъ правительница, не та Софья, которая спокойно смотрѣла изъ окна кельи на трупъ Шакловитаго, болтавшася на перекладинѣ. Ею Софья—молодая, и годами, и душой. Не холодная, разсудительная и расчетливо-властолюбивая Софья рисовалась автору, но молодая, пылкая дѣвушка, съ большимъ умомъ, большою волею, съ умѣньемъ подчинять себѣ людей, съ честолюбіемъ, въ которомъ есть что-то восторженное, а бы сказалъ, шиллеровское, и которое поэтому нисколько не противно, но наоборотъ, скорѣе увлекательно. Это—прежде всего сестра Петра: тотъ же орлиный взмахъ, но съ добавленіемъ женскаго обаянія, вѣнчанной красоты и свободы чувства. Въ монологѣ, который она говоритъ князю Голицыну въ послѣдней картинѣ, она признается ему въ своихъ мечтахъ. Мечта о власти—была ея волшебной грезой. Она ощущаетъ въ себѣ чудесную, невѣдомую силу. Предъ ней блеститъ какой-то таинственный свѣтъ, и когда она освобождается отъ власти чарующаго призрака, она чувствуетъ себя разбитой и усталой. Это—почти демоническая сила, толкающая ее на бунтъ, мятежь, преступленіе, на казни.

Такова ли была историческая Софья? Я не знаю, и признаюсь, мало этимъ интересуюсь. Я думаю, что въ художественномъ произведеніи слѣдуетъ цѣнить не историческую точность—ибо это дѣло именитыхъ историковъ, которые одобряютъ, на примѣръ, „Бирона“ г. Борисова,—но свободное созданіе творчества, объясняющее характеры въ свѣтѣ художественной идеализаціи. Идеализація можетъ уклоняться въ ту или другую сторону—вопросъ вкуса, влеченія и таланта. Но она непремѣнно уклоняется. Разумѣется, Іоаннъ Грозный въ трилогіи Толстого не былъ историческимъ Іоанномъ Грознымъ, во всемъ его натуральномъ правдоподобіи, но художественной попыткой объяснить Іоанна Грознаго. Разумѣется, царь Ѳеодоръ былъ не такимъ, какимъ его изображаетъ вторая часть трилогіи. „Пономарь“! восклицаетъ Іоаннъ Грозный про Ѳеодора. Съ точки зрѣнія Іоанна Грознаго, онъ былъ пономарь. Съ точки зрѣнія Ирины, онъ воплощеніе кротости и благости. Съ точки зрѣнія Годунова, онъ добрый, но слабохарактерный ребенокъ. Съ точки зрѣнія Толстого, царь Ѳеодоръ есть образъ изнемогающей подъ бременемъ власти души, высоко трогательный въ своей безпомощности, въ своей растерянной,

искренней печали. То-ли былъ Федоръ, другое-ли, третье-ли—не все ли равно? Въ каждый данный моментъ, характеристика Федора насъ плѣняетъ, потому что она художественно вѣрна исходному пункту возрѣнія...

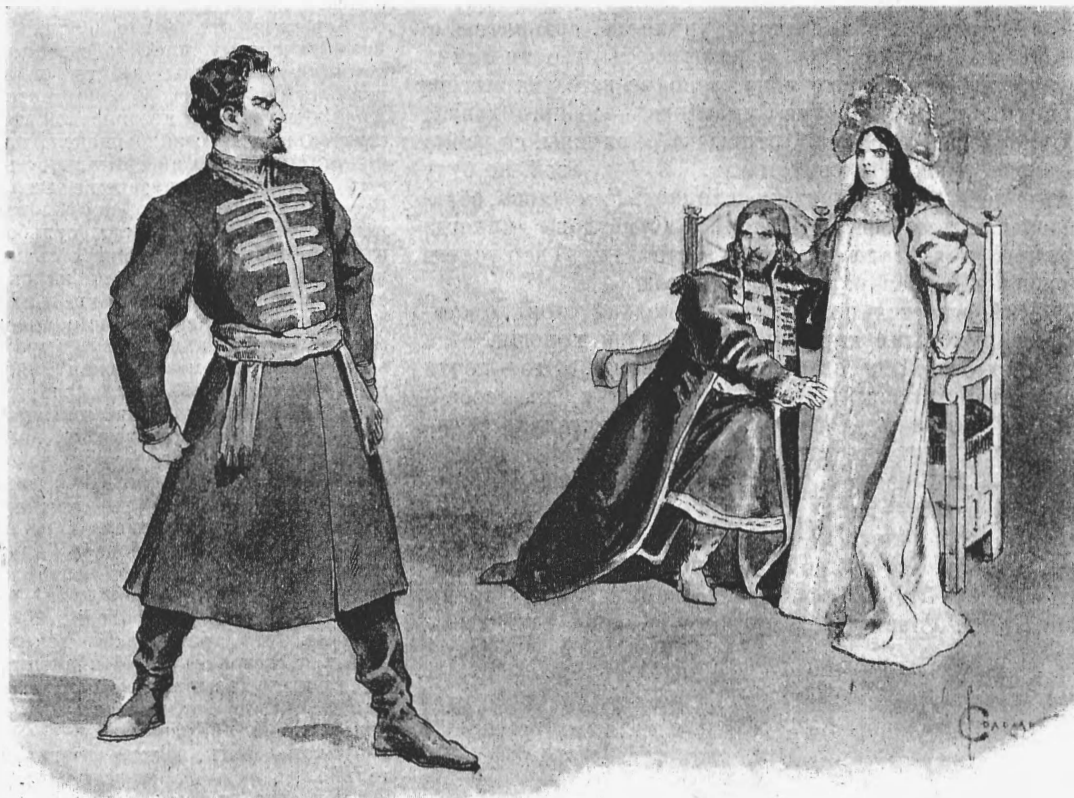
Кн. Д. П. Голицынъ представляетъ Софью романтическѣ власти. Пусть такъ. Замѣчу, во всякомъ случаѣ, что именно романтическое властолюбіе Софьи сообщаетъ драматическій интересъ ея фигурѣ. Дайте ей прямолинейность, сухость, математическую строгость и замкнутость характера,—и вы получите фигуру однообразную, негибкую, повторяющуюся, и потому мало драматическую. Софья кн. Д. П. Голицына, не смотря на романтическій ореолъ, не теряетъ основныхъ свойствъ историческаго лица, но получаетъ лишь своеобразное освѣщеніе.

Тѣмъ неменѣе, въ смыслѣ сценической фактуры, Софья не вполнѣ разработана авторомъ. У Софьи, правда, есть нѣсколько сценъ, но онѣ поставлены такъ, что либо ей подають реплики, а она читаетъ монологи, либо, наоборотъ, она подаетъ реплики, въ то время, какъ ее отчитываютъ. Совершенно пассивно ведетъ съ ней сцены Голицынъ; точно также Софья почти безмолвствуетъ въ наиболѣе драматической 5-й картинѣ, въ сценѣ съ Натальей Кирилловной. Лучшія и наиболѣе талантливыя сцены „Максима Сумбулова“—это, выражаясь опернымъ терминомъ, сольные и хоровые номера. Такъ, мнѣ показался недостаточно додѣланнымъ финалъ 6-й картины—сцена между Сумбуловымъ, негодующимъ за обманъ, Голицынымъ, узнающимъ про него, и Софьей. Здѣсь могли бы выразиться въ полной мѣрѣ и неукротимый нравъ Сумбулова, и благородный духъ Голицына, выставленнаго въ драмѣ корректнымъ, по своему времени, и добрымъ человѣкомъ, и то гордое, смѣлое, можно сказать, „сверхчеловѣческое“, въ ницшеанскомъ смыслѣ, что заключается въ характерѣ Софьи. Кромѣ Сумбулова, который, хотя и въ короткихъ, но достаточно опредѣленныхъ выраженіяхъ, проявляетъ свое настроеніе—ни Голицынъ, ни Софья не развертываютъ здѣсь своей души. Голицынъ не кажется возмущеннымъ обманомъ и коварствомъ Софьи, и требуетъ лишь, чтобы Сумбулова отпустили въ монастырь. Софья сначала восклицаетъ: „все это ложь!“, потомъ грозитъ стереть съ лица земли „безумнаго смерда“, но по одному слову Голицына, отпускаетъ Сумбулова, заканчивая

сцену обращеніемъ къ Голицыну: она въ послѣдній разъ уступаетъ,—отнынѣ она будетъ твердо властвовать.

Не смотря на сценическія недомолвки, „Максимъ Сумбуловъ“ весьма талантливое произведеніе. Въ драмѣ есть нервность, настроеніе; въ ней ясно обнаруживается *чувствованіе* эпохи и художественное ея пониманіе, и въ этомъ смыслѣ, это дѣйствительно историческая пьеса. Исторію, какъ и искусство, мало знать, даже мало любить: ее нужно чувствовать. Ибо въ исторіи, какъ и въ искусствѣ, есть нѣкоторый бессознательный элементъ, не разложимый при помощи разума и „ума холодныхъ наблюдений“. Какъ вы скажете, почему вы слышите гармонию въ сонатѣ, почему упиваетесь красотой картины? Это—неразложимо въ

«МАКСИМЪ СУМБУЛОВЪ».

Сумбуловъ.

Голицынъ.

Рис. С. С. Соломко.
Софья.

своей сущности, и область анализа ограничена лишь ви́шними формами. Тоже самое относительно исторіи. Есть нѣчто въ исторіи, чего не обнимешь разумомъ, и во что „лишь можно вѣрить“, по выраженію Тютчева. И авторъ вѣритъ въ исторію, и чувствуетъ ее. Оттого Максимъ Сумбуловъ, при всемъ родствѣ съ героями Гюго, есть московскій стрѣлецъ, а не кто другой; оттого даже безгласный Голицынъ есть русскій князь конца XVII вѣка; оттого и Софья, и Наталья Кирилловна, въ какія-бы положенія ихъ ни ставила интрига пьесы—русскія женщины 200 лѣтъ назадъ, и надъ правдой вымысла, даже надъ правдою поступковъ,—чувствуется правда исторической эпохи; правда, которую нельзя опровергнуть доказательствами, но которой можно лишь противопоставить другую, столь же художественную, правду.

Правда этой эпохи—въ какомъ-то безстрашии, въ спокойствіи смерти, въ высшемъ опьяненіи страстей, въ разливѣ толпы, среди которой личное существованіе, личная судьба, личное горе теряютъ свой

трагическій характеръ. Когда я читалъ драму — то думалъ, что Наталья Кирилловна, у которой отнимаютъ родного брата и отдаютъ его на мучительную смерть стрѣльцамъ, должна исторгать слезы у зрителей. Но на сценѣ этотъ эпизодъ ступшевыается въ общемъ грохотѣ исторіи, среди огня стрѣлцкихъ смуть—послѣдней агоніи Московской Руси. И вотъ, эту агонію цѣлаго уклада, эту ликвидацию цѣлаго историческаго періода, въ его лихорадочной суетѣ и смутѣ, эту оргію стрѣлцкихъ „преторіанцевъ“, доживавшихъ послѣдніе дни своего могущества, это хаотическое смѣшеніе причины и земщины, царской абсолютной власти и народопрательства — все это изображаетъ драма кн. Д. П. Голицына немногими, но весьма живыми, яркими, истинно художественными штрихами. Быть можетъ, и здѣсь автору сослужила службу молодость, когда драма была имъ задумана. Молодость ближе чувствуетъ бурю, чѣмъ мудрая старость, которая „ходитъ осторожно“.

Теперь намъ становится ясно, почему героямъ т. е. отдѣльнымъ лицамъ авторъ удѣляетъ сравнительно такъ мало мѣста. Онъ не нарушаетъ героическими чертами отдѣльнаго лица героическаго характера эпохи. Герой „Максима Сумбулова“—собираТЕЛЬНЫЙ. Сумбуловъ—послѣдній отпрыскъ причины, со всѣми характерными ея свойствами. „Я буду твой, но буду имъ не даромъ!“ какъ восклицаетъ Сумбуловъ, обращаясь къ Софьѣ... И точно, Сумбуловы никогда ничего не дѣлали даромъ, и заставляли за всѣ услуги расплачиваться наличною монетою.

Мнѣ остается прибавить нѣсколько словъ о стихахъ, которыми написана драма. Они хороши, безъ мудрствованій и старинныхъ реченій. Это—почти современный языкъ, въ устахъ Софьи, въ особенности. Но какъ историческая документальность не создаетъ историческаго произведенія, такъ древнія реченія не создаютъ историческаго языка. Историческій языкъ—тотъ, который отражаетъ колоритъ эпохи и отвѣчаетъ, какъ разъ, сложности и полнотѣ ея понятій. Въ этомъ отношеніи бурный языкъ стиховъ вполне соответствуетъ главному „герою“ драмы кн. Д. П. Голицына—смутному времени на Руси.

А. К—ель.

Режиссерскій отдѣлъ.

(Подъ редакціей Ю. Э. Озаровскаго).

19. О такъ называемомъ приподнятомъ тонѣ.

Спектакли съ участіемъ Мунэ-Сюлли снова породили въ театральныхъ сферахъ толки о значеніи, случаяхъ примѣненія и существѣ такъ называемаго *приподнятаго тона*. Въ виду совершенно невѣрнаго со спеціальной точки зрѣнія толкованія этого сценическаго приема мнѣ бы хотѣлось подѣлиться съ читателями нашего журнала собственными воззрѣніями на этотъ счетъ, по скольку вытекаютъ они изъ теоріи декламации.

Какъ это ни странно на первый взглядъ, но приподнятость тона—это явное съ точки зрѣнія реалистическаго направленія въ искусствѣ нарушение закона простоты и естественности исполненія—вытекаетъ именно изъ условій художественнаго реализма. Надобно только умѣть широко и ясно опредѣлить лишь себѣ сущность его и затѣмъ смѣло примѣнять его не только тамъ, гдѣ реализмъ даетъ себя знать слишкомъ ужъ опредѣленно (такъ назы-

ваемый реалистическій репертуаръ), но и тамъ также, гдѣ реализмъ художественнаго произведенія скрытъ или по крайней мѣрѣ, подернутъ флеромъ другихъ художественныхъ тенденцій.

Подъ именемъ реализма въ искусствѣ теорія понимаетъ стремленіе художника, какую бы *нестественную* по отношенію къ нашему будничному міросозерцанію тему онъ ни разрабатывалъ, оставаться въ соотвѣтствіи съ *дѣйствительностью*. Реаленъ, слѣдовательно, не тотъ художникъ, который трактуетъ въ своихъ произведеніяхъ (въ любой художественной области) только и только видимую дѣйствительность, причѣмъ трактовка эта, ставящая себѣ задачей рабское воспроизведеніе природы лишена всякой идеализаціи,—но тотъ, который темой для своего художественнаго произведенія, быть можетъ, беретъ и несуществующій реально міръ грезъ и фантастики, но изображаетъ этотъ міръ съ извѣстной долей *правдоподобія*, т. е. такъ, что мы можемъ повѣрить въ возможность существованія такого міра въ дѣйствительности. Реальны, слѣдовательно, въ истинномъ смыслѣ—не Зола, Глѣбъ Успенскій, Воборыкинъ въ поэзіи, Курбѣ, Гѣ, отчасти Верещагинъ въ живописи, Эммануэль, Цакони и прочіе итальянскіе „веристы“—въ драматическомъ искусствѣ, но Эсхиль, Гете, Шиллеръ, Гюго, Жуковскій, Беклинъ, Васнеповъ, Котарбинскій, Росси, Мунэ-Сюлли.

Переходя отъ этихъ общихъ положеній искусства къ драматическому или, собственно говоря, декламаци, мы неминуемо должны прийти къ заключенію, что истинно реальнымъ тономъ должно считать тонъ въ наибольшей мѣрѣ отвѣчающій поэтической дѣйствительности, т. е. дѣйствительности, созидающейся даннымъ литературнымъ подлинникомъ. Дѣйствительность же послѣдняя, когда имъ является произведеніе Эсхила, Софокла, Шекспира, Гете, Шиллера, Гюго (послѣднихъ беру лишь какъ трагиковъ)—это трагическая судьба личностей, гибнущихъ въ борьбѣ личнаго счастья съ высшими для нихъ идеалами. Между названными здѣсь трагиками много существенно различнаго, легко поддающагося болѣе или менѣе точному опредѣленію и историческому объясненію и долженствующаго найти свое выраженіе въ декламаци, но вышеуказанная поэтическая дѣйствительность для всѣхъ нихъ, какъ и для всѣхъ грядущихъ трагическихъ авторовъ, одна и та же, обязывающая актера къ тому, чтобы въ общемъ тонѣ декламаци, помимо всякихъ индивидуальныхъ и психологическихъ въ зависимости отъ развитія сюжета чертъ роли постоянно давали себя знать два начала: одно—я бы сказалъ—*жизнетворное*, вытекающее изъ сознанія героя внутренней силы и надежды, окрыляющей всѣ его начинанія и борьбу; другое—*смертоносное*, подсызаемое близостью неизбѣжной гибели; короче говоря: торжество и скорбь духа—вотъ извѣстное психологическое выраженіе трагедіи. Не даромъ еще Аристотель сказалъ, что трагическое должно вызывать въ зрителѣ ужасъ и состраданіе. На практикѣ трагическій или, какъ его принято называть, *приподнятый* тонъ, есть тонъ величавой скорби (величавость—это выраженіе сознанной силы, скорбь—бессилія).

Таковъ тонъ всякой трагической роли, а, слѣдовательно, въ цѣломъ,—и всякой трагедіи. Я не хочу этимъ сказать, что при исполненіи трагедіи въ этомъ тонѣ только и сила, и что исполненіе всѣхъ трагедій поэтому должно быть совершенно одинаково. Нѣтъ ничего неспосибѣ какъ слушать приподнятую декламацию безъ всякаго, такъ, скажемъ, рисунка въ общемъ, хотя бы и вѣрномъ, фонѣ... Между тѣмъ, приподнятый тонъ—это именно только общій фонъ для трагическаго исполненія, предполагающаго, какъ и всѣ остальные виды драматическаго искусства, точную обрисовку характеровъ, и психологическихъ положеній дѣйствующихъ лицъ.

Прискорбно также наблюдать, когда приподнятый тонъ становится основой для сценическаго воспроизведенія трагическаго репертуара всѣхъ временъ и народовъ—безъ всякаго внесенія въ этотъ тонъ соотвѣствующихъ историческимъ налѣтоу приподнятый тонъ въ трагедіяхъ Шекспира воспроизводится такъ же, какъ и въ трагедіяхъ романтиковъ, приподнятый тонъ романтическихъ трагедій—такъ же, какъ и въ трагедіи классической и т. д. Теорія декламации опредѣляетъ существо трагическаго тона, имѣя ввиду античную трагедію (трагедія въ ея наиболѣе типическомъ проявленіи). Поэтому все то, что теорія указываетъ относительно этого тона, вполне и цѣлкомъ приложимо къ декламаци античной трагедіи, но послѣдующія формы трагической драматургіи (произведенія Шекспировой трагедіи, романтической, нѣмецкой—я бы сказалъ—философской, бытовой—русской) оставили несомнѣнный слѣдъ на существѣ трагическаго тона и всѣ эти послѣдовательныя наслоенія и налѣты должны найти въ немъ соотвѣтственное выраженіе. Въ этомъ смыслѣ необходимо видоизмѣнять свойства трагическаго тона даже въ самой античной трагедіи въ зависимости

отъ того, кто декламируется—молитвенный-ли Эсхилъ, гуманизирующій Софоклъ или реализирующій Эврипидъ. Нечего говорить, что Шекспиръ съ его вмѣшательствомъ въ ходъ дѣйствія страстей и безпрерывно мерцающей нервной силы, или бурный, негодующій Гюго—потребуется отъ исполнителя еще болѣе опредѣленнаго видоизмѣненія или, вѣрнѣе сказать, усложненія основы трагическаго тона.

Во всякомъ случаѣ, свободное обладаніе трагическимъ тономъ въ приложеніи ко всѣмъ фазамъ міровой трагедіи мыслимо при одномъ лишь условіи: полномъ воспріятіи тона античной трагедіи, съ каковою изученіе трагическаго тона и должно, по моему, начинаться. Вотъ почему артисту, набирающему для себя карьеру трагика, необходимо начинать (въ какомъ возрастѣ, при какихъ условіяхъ предшествовавшей артистической дѣятельности—это другой вопросъ) съ занятій декламацией античнаго трагическаго репертуара.

Могивъ также,— въ виду котораго античная трагедія должна быть обязательно включена въ репертуаръ всякой сколько-нибудь рационально поставленной драматической школы.

Прежде заключеннаго декламационнаго исполненія трагическаго репертуара въ приподнятомъ тонѣ, я рекомендую—бы только, какъ это я практикую въ школьномъ дѣлѣ, предварительную техническую гимнастику. Это чтеніе сначала гексаметра, а потомъ и другихъ стихотворныхъ формъ въ приподнятомъ тонѣ безъ отношенія къ психологіи и драматическимъ элементамъ содержанія. Упражненіе это представляетъ сквозное такъ называемое логическое чтеніе даннаго литературнаго матеріала сплошь въ скорбно-величавомъ тонѣ, въ медлительномъ темпѣ (такой темпъ обуславливается величавостью темпа) и при черемѣнной силѣ звука. (См. статью мою въ „Театръ и Искусствѣ“, 1897 г.: „Постановка звука и голоса въ драм. искусствѣ“).

Только послѣ того, какъ *голосъ* упражняющагося научится по волѣ его строиться въ должномъ тонѣ, легко и свободно, возможно будетъ внести въ декламацию психологію, а затѣмъ, пройдя въ приподнятомъ тонѣ извѣстную серію литературныхъ образцовъ, приступить уже къ художественному чтенію отдѣльныхъ ролей и изъ античной трагедіи. Ю. О.

Отъ редакціи отдѣла. Вопросы, обращаемые къ редакціи отдѣла, слѣдуетъ направлять по адресу журнала (Спб. Моховая, 45) съ помѣткой: въ режиссерскій отдѣлъ.

ПАСТРОЛЕРЪ.

(Разсказъ).

(Продолженіе *).

III.

Наступилъ день спектакля. Еще съ утра корчма окончательно преобразилась въ храмъ Мельпомены.

Лошади, коровы, брички, сани, словомъ—все содержимое черной половины заѣзжаго дома было перемѣщено въ сосѣдній сарай, за исклю-

ченіемъ коровы, только что отелавшейся, которую Ривка Наземанъ ни за какія деньги не соглашалась выгнать изъ стойла. Въ мольбы Громыхая ни къ чему ни привели: корова съ теленкомъ такъ и осталась въ отдѣленіи, долженствовавшемъ избраться „Башню голода“, куда кровожадный Францъ пряталъ своего отца.

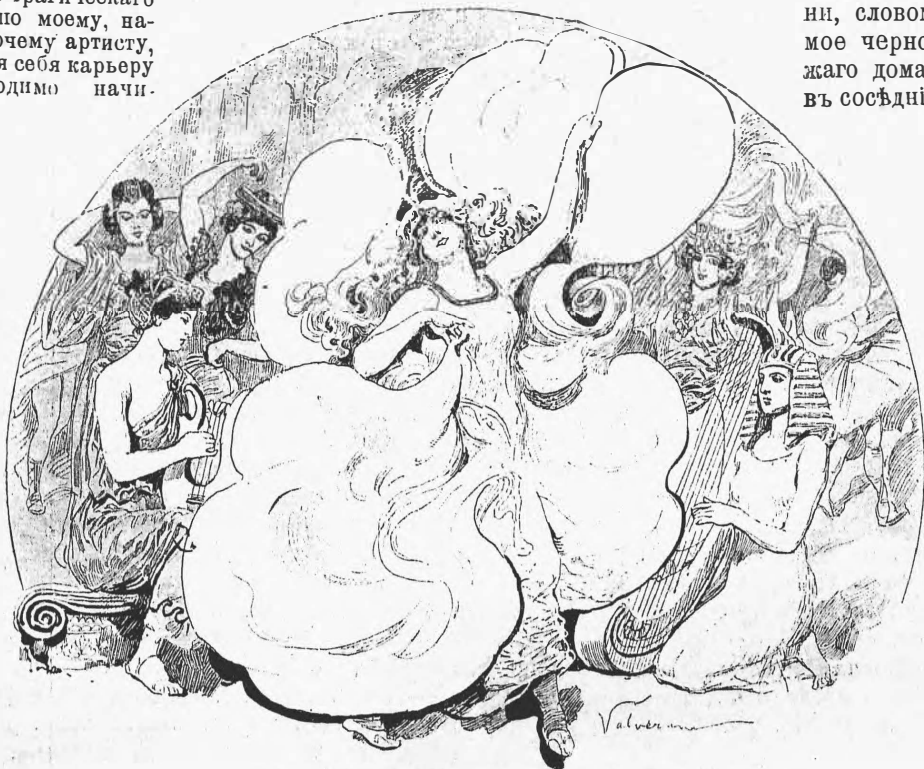
Въ Широмъ Бару, разумѣется, не могъ оставаться незамѣченнымъ никакой мало-мальски выдающійся фактъ, вродѣ пріѣзда новаго лица; поэтому, многіе недоумѣвали; когда же, наконецъ, труппа Громыхая пріѣдетъ?.. Даже въ день спектакля, съ утреннимъ поѣздомъ, въ Широкой Баръ прибыло только двое приказчиковъ, пять извѣстныхъ городу евреевъ, теща почтмейстера, ѣздившая въ N-скъ повидаться съ женой исправника, словомъ—наличный составъ города пополнился лицами, все извѣстными.

— Моя труппа прібудетъ съ послѣднимъ поѣздомъ!—отвѣчалъ на разспросы Громыхай, невозмутимо поправляя певичнѣ.

Дуся служила также предметомъ крайняго любопытства всей „интеллигенціи“, особенно „золотой молодежи“. Мимо корчмы Ривки Наземанъ одиноко слонялись кавалеры всѣхъ возрастовъ и сословій; примадонна предпочитала тайно и особенно укрывавшись въ своихъ покояхъ. Иногда ея напудренный обликъ, задрапированный въ „роскошныя“ кружева, подколота огромной „брилліантовой“ брошью, мелькалъ въ окнѣ, но любопытство алчущихъ и жаждущихъ только разжигалось.

День спектакля выдался превосходный. Приглашенныя письма Громыхая къ сосѣднимъ помѣщикамъ оказали свое благотворное дѣйствіе: десятка два саней проскользнули въ Широкой Баръ со всѣхъ его концовъ.

Къ десяти часамъ утра пѣтухи, куры, гуси, те-

«Palais de la danse» въ Парижѣ.

лята и свиньи были окончательно изгнаны изъ театра. Это обстоятельство привело ихъ въ крайнее недоумѣніе; свиньи продолжали толпиться у воротъ, неистово хрюкая. На лицевой сторонѣ воротъ значилась яркая вывѣска: „Представленіе труппы знаменитаго гастролера Громыхая-Тромбонскаго“. Подъ ней была прибита афиша, надъ которой были крестообразно укрѣплены два маленькихъ флага съ разноцвѣтными фонариками, привязанными къ верхнимъ концамъ.

Громыхай все еще носился по городу и театру, какъ ураганъ... Пунцовый бантъ развѣвался на его груди необыкновенно эффектно, вмѣсто пестраго жокейскаго картуза на головѣ его появился цилиндръ, хотя и потерявшій ворсъ и натуральный цвѣтъ, но тѣмъ не менѣе придававшій лицу Громыхая нѣчто солидное.

Касса изъ магазина Карла Ивановича была перемѣщена въ одинъ изъ покоевъ „примадонны“. Почему-то стави въ этомъ покоѣ были закрыты, комната освѣщалась двумя лампами подъ абажурами изъ розовой бумаги, за столикомъ кассы сидѣла сама примадонна, закутанная въ бѣлую пуховую шаль; тѣ же кружева... съ „бриллиантами“... Вотъ когда любопытство кавалеровъ могло, наконецъ удовлетвориться.

Примадонна встрѣчала публику очаровательной улыбкой на губахъ. Въ ея глазахъ, съ необыкновенно черными рѣсницами, свѣтилась такая ласка, такое, если можно такъ выразиться, — нѣжное томленіе, — что кавалеры приходили въ восторгъ...

Въ два часа въ кассу влетѣлъ Громыхай съ цилиндромъ на макушкѣ... Несмотря на сильный морозъ, обильный потъ струился по его лицу.

— Ну, какъ?.. спросилъ онъ таинственнымъ шепотомъ, наклоняясь надъ столикомъ.

— 48 рублей 50 копѣекъ!..

— Bravo! великолѣпно!..

Сдѣлавъ Дусѣ ручкой, онъ съ той же стремительностью вылетѣлъ въ корридоръ, уже превращенный въ партеръ театра, подробное описаніе котораго мы сдѣлаемъ ниже.

Въ корридорѣ Громыхай столкнулся съ судебнымъ приставомъ, очень блѣднымъ господиномъ въ очкахъ.

— Стойте, батюшка!..

— А!.. Милости просимъ!.. въ кассу!

— Нда... только... ну да ладно... Какъ дѣла?

— Превосходно!.. Сборъ достигаетъ ста рублей.

— А труппа?..

— Какая?

— Ваша труппа пріѣхала?

— Э-э... нѣтъ еще... не понимаю, что сей сонъ означаетъ? Съ послѣднимъ поѣздомъ.

— Послѣдній уже былъ...

— Ну, такъ на лошадахъ...

— Гмм... Побьютъ!.. Ой, побьютъ!..

Громыхай сощурился.

— Никогда!.. Мой успѣхъ.. всегда и вездѣ..

— Положимъ... а къ тому же... исполнительный листикъ...

Гастролеръ поблѣднѣлъ, и схвативъ пристава за руку.

— Ради Создателя... не оглашайте... вечеромъ расплачусь, мое честное слово!..

— Ладно... Арестъ на кассу въ размѣръ 60-ти рублей. Не удерешъ?

— Мое честное слово!..

— Ну, валяй, братъ, дыши!.. Тамъ, какъ нибудь поможемъ...

Въ воротахъ показалась пышная шубка изъ ангорскихъ козъ, обхватившая въ свои нѣжныя объятія стройную, румяную даму лѣтъ сорока съ миниатюрнымъ грибочкомъ вмѣсто носа — жену аптекаря. За ней

какъ тѣнь отца Гамлета, проскользнуло что-то очень длинное и худое, съ бѣлой острой бородкой, съ бѣлыми глазами, въ хорьковой шубѣ и баращковой шапкѣ — старшій сынъ содержателя „Моднаго магазина“.

— Ахъ, ты Громыхай!.. Вы заняты?

Громыхай рванулся къ дамѣ, какъ борзая, завидѣвшая зайца.

— О, помилуйте!.. Весь къ вашимъ услугамъ.

— Ну, что?.. Пріѣхали?

— Только что получилъ телеграмму!.. Съ послѣдней станціи приблудутъ на лошадахъ, такъ какъ съ комикомъ во время дороги случился ударъ и труппа принуждена была сдѣлать маленькую остановку...

— Какое насчастье!..

— О, мы, артисты, всегда подвержены тысячамъ случайностей!.. Сегодня я играю Гамлета въ Петербургѣ, завтра Отелло въ Тифлисі... а въ Москвѣ хоронятъ... ничего, привыкли!..

— Ужасъ!

Дама закурила необыкновенно тонкую и длинную папиросу съ помощью Громыхая, ловко и во время подставившаго зажженную спичку.

— Милости просимъ въ кассу!.. Не красна изба углами, красна пирогами, а пироги — пардонъ еще не готовы!..

— Валентина Михайловна, къ вамъ гости! доложилъ Громыхай, любезно пропуская въ кассу даму, — Позвольте васъ познакомить; мадамъ Тшебзинская, артистка Звѣздина-Лазарева!..

Тшебзинская съ нескрываемымъ любопытствомъ и страхомъ протянула руку.

— Очень пріятно!.. Не угодно-ли? — Дуся очаровательно улыбнулась.

— Эйе ля бонте!.. — Громыхай подвинулъ стулъ и табуретъ. Валентина Михайловна, была столь любезна что, за опозданіемъ кассира, взяла на себя трудъ продажи билетовъ...

— Это въ ничего... вотъ только холодно здѣсь... я ужъ и лампы приказала зажечь.

— Ахъ, помилуйте... мнѣ кажется жарко!.. совсѣмъ баня!..

— А!.. вотъ и видно, что мадамъ Тшебзинская никогда не бывала въ средѣ артистовъ... Мы, знаете, народъ очень нервный. Для насъ, артистовъ, нормальная температура — 22 градуса.

— Воже!..

— Смѣю увѣрить!..

— А какъ бриллиантовые серьги еще не нашлись?..

Дуся грустно покачала головой.

— Нѣтъ!.. я ужъ и забыть стараюсь...

— Я слышала, онѣ вамъ дороги по воспоминаніямъ?..

— Да, — вмѣшался Громыхай. — Князь Оболдуевъ собственноручно подалъ ихъ изъ оркестра, послѣ чего кое-кто изъ артистовъ, съ Валентиной Михайловной, разумѣется, во главѣ, были приглашены на великосвѣтскій балъ, гдѣ графиня Зулусова, про бриллианты которой вы, надѣюсь, слышали?.. съ завистью признала, что ея серьги уступаютъ...

Вдохновеніе Громыхая было прервано появленіемъ Ривки; она доложила, что пришли статисты на репетицію. Громыхай щелкнулъ каблуками и исчезъ... Черезъ минуту его голосъ уже разносился гдѣ-то въ глубинѣ корчмы.

Семь часовъ... Къ воротамъ корчмы стали подъѣзжать одни сани за другими. Оркестръ Шмуля Вермуша гремѣлъ персидскій маршъ.

Въ общихъ чертахъ, планъ театра былъ таковъ: половина была отведена для публики, двери растворены настежь, корридоръ заставленъ двадцатью рядами кресель, стульевъ, табуретовъ, лавокъ, ящи-

ковъ отъ товаровъ, всего—120 мѣстами съ узкимъ проходомъ сбоку. На границѣ обѣихъ половинъ былъ повѣшенъ занавѣсъ, сшитый изъ рогожъ, и раскрашенный въ пестрыя полосы съ огромной лирой по срединѣ; занавѣсъ, при помощи лубочныхъ колецъ, надѣтыхъ на толстую жердь, отдергивался съ права налѣво; передъ ней была укрѣплена на землѣ рампа — широкая доска, за которой горѣло десять лампъ. Оркестръ помѣщался за занавѣсомъ.

Первая дверь изъ воротъ направо вела въ „буфетъ“, налѣво—въ кассу. Такъ какъ всѣ печи были жарко истоплены, а двери изъ номеровъ были раскрыты нестежъ, то морозъ въ театрѣ не превышалъ одного градуса, а къ началу спектакля температура поднималась даже до четырехъ градусовъ.

Какъ только фонарики у входа заалѣли и громъ персидскаго марша проникъ на улицу, огромная толпа запрудила все мѣсто передъ корчмой, такъ что сани съ трудомъ подѣзжали къ воротамъ.

Дуся все еще сидѣла въ кассѣ... Ея очаровательность стала неотразимой... Кое-кто изъ помѣщиковъ даже стѣснялся просить сдачи, которую она, по разсѣянности, забывала предлагать бравшимъ билеты. Громыхай во фракѣ и бѣлыхъ перчаткахъ, съ какими-то бантиками на отворотахъ, леталъ по партеру, размѣщая публику съ помощью сыновей Ривки Наземанъ.

Мужчины сбились въ „буфетъ“, —душной маленькой комнаткѣ, съ длиннымъ столомъ, уставленнымъ сельдями, произведеніями Карла Ивановича, водками и пр... Кое-кто изъ кавалеровъ даже попробовалъ снять шубы и увѣрялъ, что совсѣмъ не холодно... Вообще, было очень весело и интересно.

Когда публика вся собралась, Громыхай и Дуся, заперевъ кассу на десять замковъ, исчезли „за сценой“. Ривкѣ было поручено доложить, въ случаѣ пріѣзда новыхъ посѣтителей.

Уборная помѣщалась „за сценой“, въ крайнемъ стойлѣ, и была отдѣлена со всѣхъ сторонъ рогожами. На столѣ красовались зеркало съ гримировальными красками, лакомъ, подвѣсными бородами, париками, и т. п.; на рогожахъ висѣли „костюмы“...

Первой въ уборную вбѣжала Дуся; было нѣсколько градусовъ морозу и она предварительно покрыла себя одѣяломъ, а затѣмъ уже начала одѣваться; передъ уборной, за сценой, сновали статисты, изъ мѣстныхъ деньщиковъ, лакеевъ, солдатъ и еврейчиковъ неопредѣленныхъ профессій. Убѣдившись, что они уже одѣты, осмотрѣвъ „сцену“, крикнувъ Шмулю, моментально заигравшему нѣчто очень странное, Громыхай проскочилъ въ уборную, гдѣ Дуся, стуча зубами, подкалывала лифъ, и тоже принялся переодеваться... Исполнительный листъ мелькалъ передъ его глазами, смутное волненіе шевелилось въ груди, и что-то очень грустное, безнадежное по временамъ свѣтилось въ его глазахъ. Но Громыхай напѣвалъ шансонетку и ободряюще подшучивалъ надъ Дусей...

Дуся упорно и сосредоточенно молчала, сжавъ посинѣвшія губы... О чемъ она думала?.. О родной ли семьѣ, откуда она выпорхнула изъ тепла и

довольства, влекомая къ сценѣ, о долгихъ, безконечныхъ скитаніяхъ по глухой провинціи, вѣчно голодая, объ испытаніяхъ, еще ожидающихъ ее, и безъ того уже разбитую, изломанную, и душой и тѣломъ, о средствахъ прекратить однимъ ударомъ всю эту цѣпь безконечныхъ страданій, всю эту безпросвѣтную ночь мученій?

А Шмуль, потрясая пейсами, пилилъ на скрипкѣ, ведя за собой всѣхъ пятерыхъ музыкантовъ, кромѣ, впрочемъ, барабанщика, который билъ по свиной кожѣ, самъ по себѣ, игнорируя ноты, тактъ Шмуля,

«РОМЕО И ДЖУЛЬЕТА».

Empire-Teatre въ Нью-Йоркѣ. Гастроли Модъ Адамъ.

и всецѣло погруженнаго въ музыкальное вдохновеніе.

Второй звонокъ собралъ публику на мѣста; за третьимъ Шмуль замолчалъ и увелъ куда-то свой оркестръ. Публика въ ожиданіи стихла... Расписанная рогожа колыхнулась... кто-то дергалъ ее за веревку... наконецъ, лубочныя кольца заскрипѣли по жерди и занавѣсъ уползла.

Передъ публикой открылась слѣдующая картина: промежутки между столбами, отдѣляющими стойла, затянуты рогожей; на нихъ развѣшаны картины, портреты: генерала верхомъ на лошади, какого-то пресвященнаго, коллекція карточекъ подъ стекломъ—должно быть фамиліи Ривки Наземанъ. Войлочный коврикъ съ оленьими рогами въ центрѣ—это боковыя кулисы. Задняя декорация тоже изъ рогожъ съ вырѣзомъ — дверью по срединѣ; дверь задрапирована какими-то красными полотенцами. Налѣво, прямо на землѣ, кресло, направо, ломберный столъ

съ зеркаломъ, рядомъ два стула. За сценой—тихая музыка.

Вотъ изъ средней двери показывается Громыхай-Тромбонскій: на немъ рыжій косматый парикъ, такія же брови торчатъ надъ глазами; одѣтъ онъ въ черный пливсовый пиджачекъ, короткіе пейзанскіе штанишки, черные чулки и туфли съ огромными пряжками. Поверхъ пиджака накинута черная колленкоровый плащъ, сбоку шпага, на поясъ кинжалъ. Руки скрещены, лицо мрачное, движенія кошачьи, и въ то же время напоминающія человѣка съ парализованными ногами. Дойдя, такимъ образомъ, до самой рампы, Громыхай останавливается, долго смотритъ въ упоръ на публику, замершую въ жуткомъ ожиданіи, потомъ вдругъ подымаетъ правую руку, потрясаетъ кулакомъ въ воздухъ и восклицаетъ глухимъ, дикимъ голосомъ:

— „О, Карлъ, Карлъ!.. Ты братъ мой—я... я ненавижу тебя!..“

Очевидно, это былъ Францъ.

Въ публикѣ раздалось сначала тихое ворчаніе, потомъ грозный лай, вслѣдъ за тѣмъ огромная лягавая собака бросается къ рампѣ и атакуетъ Громыхайа. Гастролеръ пятится къ задней декорации и, натолкнувшись на дверь благополучно скрывается...

Какой-то молодой помѣщикъ въ коротенькомъ полубубикѣ хватаетъ Глору за ошейникъ, даетъ ей пинка и оттаскиваетъ въ задніе ряды. Глора жалобно воеетъ, публика встревожена. Изъ боковой кулисы выходитъ одинъ изъ сыновей Ривки и, поклонившись, взволнованно объявляетъ:

— Гашподинъ гастролеръ пжалста прошить не випушкать шабакъ!.. Жвините!..

Затѣмъ быстро уходитъ... Шмуль почему-то опять грянулъ персидскій маршъ, но его, должно быть, уняли, такъ какъ маршъ оборвался и перешелъ въ тихую музыку. Сцена пуста, въ публикѣ сдержанный говоръ. Вдругъ красныя полотенца колыхнулись, показались Громыхай... Тѣми же шагами онъ приближается къ рампѣ и устремляетъ на публику тотъ же мрачный взглядъ... Могильная тишина... Кто-то свирѣло шепчетъ:

— Тубо!.. Глора!.. Глора, тубо!.. тубо, шельма!..

— О, Карлъ, Карлъ!.. Ты братъ мой, но я... я ненавижу тебя!..

Пауза. Францъ вращаетъ глазами...

— Ты хочешь узнать, за что я ненавижу тебя?.. Изволь, я скажу!.. Ты красивъ, ты любимецъ отца, ты унаслѣдуешь его богатство, тебя... о, тысяча проклятій!.. тебя любятъ Амалія, а я... въ то время, какъ ты студентомъ въ веселой компаніи предавался наслажденіямъ, я задыхаюсь подлѣ отца въ безсильной злобѣ!.. Пауза. Францъ опускается на стулъ и и смотритъ въ зеркало. О, природа!.. на моей сторонѣ всѣ права ненавидѣть тебя!..

Францъ вскакиваетъ и бѣшено восклицаетъ:

— Но нѣтъ, я буду торжествовать!.. Я напишу ложный доносъ на Карла, прочту его отцу, онъ проклянетъ его и лишитъ наслѣдства!.. Тогда я завлажду Амаліей и буду торжествовать!.. Клянусь небомъ и адомъ, я сдѣлаю это! Ха-ха-ха! (замѣтивъ выходящую изъ средней двери Амалію). Она!.. Амалія, о нимфа!.. помани грѣхи мои въ твоихъ святыхъ молитвахъ!..

Амалія въ бѣломъ платьѣ съ цвѣтами... Замѣтивъ Франца, она въ ужасѣ останавливается и вскрикиваетъ:

— „Францъ!..“

Въ тонѣ Дуси, которымъ она начала, слышатся раздраженіе, тревога, стыдъ... Она заговорила, дрожа отъ холода, еле шевеля губами,—не глядя на публику, словно хотѣла дать понять всѣмъ, кто смо-

трѣлъ на нее: „Ну, вотъ я вышла, говорю, играю, я исполняю то, за что вы заплатили деньги... Не нравится?.. Ну, смѣйтесь, шикайте, я тоже ѣсть хочу, я вотъ съ голыми руками и грудью стою передъ вами на морозѣ, значить, я вынуждена такъ стоять!..“

Кромѣ Глоры, всѣ смотрѣли и слушали пока только съ любопытствомъ и удивленіемъ, большинство—даже съ удовольствіемъ. А были и такіе, которые поняли молчаливую исповѣдь Дуси и все уже простили въ сердцѣ своемъ.

«ВЪ АНТРАКТѢ».

Первый актъ такъ и заключился сценой Франца съ Амаліей.

Шмуль, не переводя духа, опять заигралъ что-то очень странное, должно быть „музыку серьезную“...

Второй актъ.

Сцена представляетъ тѣ же рожи, только портреты исчезли, столы разставлены въ другомъ порядкѣ. За ними, на табуреткахъ, сидятъ „развратные молодые люди“, въ самыхъ разнообразныхъ костюмахъ—деньщики и еврейчики.

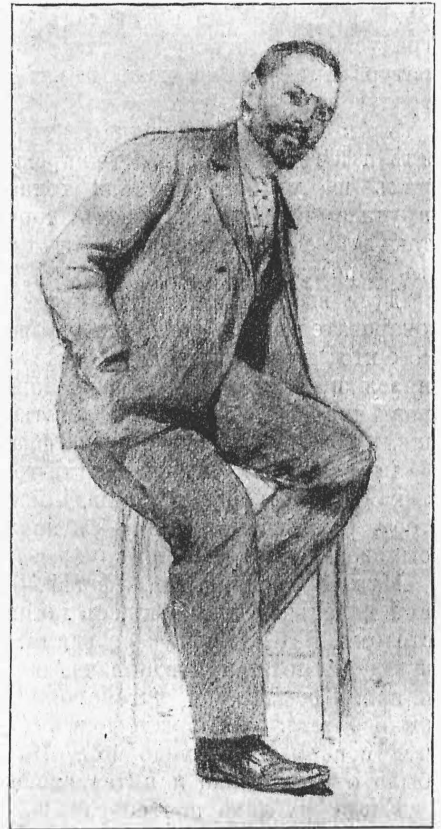

Рис. Л. Бакста.

За отдѣльнымъ столомъ—Громыхай-Тромбонскій. На ногахъ клеенчатые краги, вмѣсто пиджака—сѣрая гимназическая куртка, подпоясанная клеенчатымъ поясомъ. Верхнюю губу украшаютъ большіе черные усы. Онъ что-то читаетъ, подперевъ голову рукой, бросаетъ книгу и начинаетъ монологъ.

— Мнѣ становится гадоко этотъ чернильный вѣкъ, когда я читаю въ Плутархѣ о великихъ людяхъ.

Очевидно, передъ публикой Карлъ Мооръ. Онъ говоритъ и за Шпигельберга, и за самого себя. Сынъ Ривки Наземанъ выноситъ письмо.

— „Письмо!.. Письмо!..“

Карлъ схватываетъ письмо, читаетъ отцовскія проклятія и падаетъ въ обморокъ... Наиболѣе смысленные изъ статистовъ, преимущественно евреи, окружаютъ его и хотятъ раздѣть. Карлъ во время приходитъ въ себя, и въ ярости начинаетъ:

— О, люди, люди!.. Лживое, коварное отродье крокодиловъ!.. Друзья мои, будемъ разбойники!.. Я вашъ атаманъ!.. Становитесь всѣ вокругъ меня!.. Въ Богемскіе лѣса!.. За мной, друзья, „ура!..“

Всѣ подхватываютъ „ура“, актъ кончился.

Аплодисменты. Громыхай раскланивается и бѣжитъ перепугиваться.

Гр. Ге.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Новая пьеса Ибсена.

Послѣ трехлѣтняго промежутка появилась новая пьеса Ибсена «Wenn wir Toten erwachen, драматической эпипогмы въ трехъ актахъ»; пьеса является идейнымъ завершеніемъ всего цикла его философско-соціальныхъ драмъ, начинающагося «Норой». Она проникнута духомъ примиренія и высшей терпимости, къ которымъ пришелъ драматургъ въ концѣ своей долгой литературной пропаганды.

Приводимъ со словъ «Сына Отец.» содержание этой интересной новинки. Скульпторъ Арнольдъ Рубекъ задумалъ изваять группу, которая должна представлять грядущій день воскресенія. Эта работа удастся ему только тогда, когда моделью служить его жена Ирена. Весь погруженный въ свое творчество, скульпторъ не обращаетъ вниманія на красоту стоящей предъ нимъ обнаженной жены. Она же, женщина страстная, любитъ безумно своего Арнольда, жаждетъ ласки своего мужа. Словомъ положеніе, похуже на то, какое рисуетъ Э. Золя въ своемъ романѣ «Изъ міра художниковъ». Молодая чета очень нуждается и единственная роскошь—для нихъ это прогулки въ субботу вечеромъ, послѣ упорной работы за городъ, гдѣ они оставались до понедѣльника, забавляясь на берегу озера и неустанно говоря о группѣ, которую называютъ «своимъ дѣтищемъ». Когда группа была закончена, скульпторъ горячо пожалъ руки жены и сказалъ: «Благодарю тебя отъ всего сердца, Ирена. Это былъ для меня благословенный эпизодъ».

Ожидая ласкъ и горячихъ словъ и получивъ только «эпизодъ», она поняла, что для него чужая и въ тотъ же день бѣжала. Ирена пошла на кафе-шантанную сцену, и въ «живыхъ картинахъ» за деньги показывала свою прекрасную наготу, которая оставалась безразличнымъ ея мужа.

Имѣя «поклонниковъ» и «покупателей», она женила на себѣ одного южно-американскаго дипломата, который пустилъ себѣ пулю въ лобъ. Вторымъ мужемъ ея былъ Зотовъ, русскій богачъ. Этого она зарѣзала маленькимъ кинжаломъ. Въ концѣ концовъ, она сошла съ ума, заключена въ домъ сумасшедшихъ,— и выпущена оттуда на половину излеченной. Это все мы узнаемъ изъ разговоровъ дѣйствующихъ лицъ. Въ моментъ дѣйствія Ирена развѣзжаетъ съ мѣста на мѣсто и ищетъ группу мужа, чтобы разбить, уничтожить «свое дитя». Между тѣмъ, Рубекъ, послѣ того, какъ группа прославилась его имя по всему свѣту, женился вторично. Онъ живетъ съ своей женой Майей на берегу того озера, гдѣ онъ отдыхалъ вмѣстѣ съ Иреной. Дѣтей у него нѣтъ, и вторая жена—чувственная и скрытная женщина—чужда ему. Онъ хочетъ создать еще что-либо крупное, подобное первой его группѣ, откупленной какимъ-то музеемъ, но не въ состояніи творить и ограничивается тѣмъ, что лѣпнѣт бюсты разныхъ лицъ, которымъ изъ жажды мести придаетъ выраженіе таящихся внутри человѣка звѣрскихъ инстинктовъ.

Рубекъ. Здѣсь внутри имѣется у меня крохотный, запертый ящичекъ. Въ этомъ ящичкѣ лежатъ всѣ мои грезы, грезы скульптора. Когда она (т. е. Ирена) исчезла безслѣдно, крышка ящичка захлопнулась. Она имѣла ключикъ отъ ящичка, но взяла его съ собой. Ты, моя маленькая Майя, не имѣла ключика. Вотъ почему все лежитъ въ немъ нетронутымъ... А годы проходятъ!»

Майя. Пусть же она снова откроетъ его...

Рубекъ (не понимая ея). Майя?

Майя. Она теперь здѣсь. Она же сюда и явилась только ради этого ящичка...

Рубекъ и Ирена встрѣчаются, и взаимная любовь ихъ вспыхиваетъ съ новой силой. Но счастье для нихъ немислимо и недоступно. «Мы оба мертвецы, изоведемъ хотя бы одинъ только разъ чашу жизни до конца, прежде чѣмъ вернемся въ наши могилы», говоритъ Иренѣ Рубекъ, обнимая ее на вершинѣ высокой скалистой горы, куда они взобрались, чтобы провести «лѣтнюю ночь среди горъ».

Ирена. (Съ крикомъ радости). Арнольдъ?

Рубекъ. Но только не здѣсь, въ полутьмѣ!—Не здѣсь, не въ этой мокрой холщевой палаткѣ...

Ирена (охваченная страстью). Нѣтъ, нѣтъ, туда, къ свѣту, туда, къ этой сверкающей роскошью природѣ, на гору обѣтованій!

Рубекъ. Да, тамъ мы отпразднуемъ нашу свадьбу, Ирена, моя горячо любимая!...

Ирена (гордо). Пусть солнце всегда глядитъ на насъ со своей высоты, Арнольдъ!

Рубекъ. Пусть глядятъ на насъ всѣ силы свѣта. И всѣ демоны тьмы! (Схватываетъ ея руку). Ты слѣдуешь за мной, моя боготворимая невѣста?

Ирена. Я слѣдую охотно и послушно за моимъ господиномъ и повелителемъ.

Рубекъ (тащить ее за собой). Мы должны сначала пробираться сквозь туманъ, а затѣмъ...

Ирена. Да, сквозь туманъ должны мы всѣ пробираться.

А затѣмъ только мы взойдемъ на верхушку башни, ярко озаренную выходящимъ солнцемъ...

«Рубекъ и Ирена,—рассказываетъ Ибсенъ въ заключительныхъ ремаркахъ,—идутъ рука объ руку чрезъ занесенное снѣгомъ поле. Вскорѣ они исчезаютъ среди низко нависшихъ тучъ». Но въ это время поднимается буря, приближеніе которой было возвѣщено героямъ пьесы и читателямъ нѣкимъ охотникомъ на медвѣдей, грубымъ и чувственнымъ Ульфгаймомъ. Въ немъ находитъ Майя свой идеалъ мужчины и отдается ему, какъ только Рубекъ даетъ ей свободу. Буря является причиной паденія лавины, погребавшей подъ снѣгомъ Рубека и Ирену. На этомъ и кончается пьеса.

ПРОВИНЦІАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

(Отъ нашихъ корреспондентовъ).

ТАГАНРОГЪ. Текущій сезонъ является для таганрогцевъ положительно исключительнымъ. Въ большинствѣ случаевъ театръ бываетъ исполненъ публикой. За послѣднія 10 лѣтъ я не наблюдалъ такого оживленія и интереса къ театру въ публикѣ, какое замѣчается теперь, благодаря опытному и талантливому антрепренеру Н. Н. Синельникову. Сезонъ продолжается вотъ уже болѣе 2-хъ мѣсяцевъ, а интересъ къ театру не только не ослабѣваетъ, но наоборотъ растетъ съ каждымъ спектаклемъ все болѣе и болѣе. Главная причина тому, конечно блестящій для Таганрога составъ группы. Два раза въ недѣлю въ спектакляхъ участвуетъ даровитый артистъ Шуваловъ. Публика его любитъ, устраиваетъ шумныя оваціи и особенно охотно посѣщаетъ театръ, когда на афишѣ значится фамилія этого симпатичнаго артиста. Я не стану дѣлать подробной оцѣнки сценическихъ способностей г. Шувалова. На сколько мнѣ помнится, на страницахъ «Театра и Искусства» уже неоднократно печатались подробные отзывы о достоинствахъ и недостаткахъ этого несомнѣнно выдающагося провинціального артиста. Я могу лишь указать на то, что г. Шуваловъ прежде всего артистъ симпатичный. У него красивый, мягкій, полный глубокаго чувства голосъ, превосходная чітка и большая сценическая опытность. Правда, не всѣ роли удаются г. Шувалову, въ смыслѣ цѣльности воспроизведенія и тонкости отлѣпки, не всѣ роли, которыя онъ играетъ, соответствуютъ его внѣшнимъ даннымъ, но все, что ни играетъ артистъ, онъ играетъ съ большимъ чувствомъ, умѣетъ захватить зрителя и заставляетъ прощать и забывать о его нѣсколько грузной фигурѣ, о неправильномъ толкованіи роли и пр. Два раза въ недѣлю играть у насъ г. Петипа, который также пользуется не малымъ успѣхомъ. Г. Петипа извѣстенъ всей Россіи, и къ тому, что уже извѣстно о немъ, мнѣ нечего добавить. Благодаря его участію, у насъ имѣли громадный успѣхъ пьесы «Нума Руместанъ», «Подсвѣтъ», «Гувернеръ», «Донъ-Жуанъ», «Счастливцевъ», «Бѣшенныя деньги» и друг. Кромѣ этихъ артистовъ, въ каждомъ спектаклѣ принимаютъ участіе и другіе талантливые артисты ростовской труппы: гг. Синельниковъ, Петровскій, Владимовъ, не считая служащихъ въ Таганрогѣ, какъ-то гг. Глюске-Добровольской, Чарина и др. Г. Синельниковъ особенно большой успѣхъ имѣлъ въ пьесахъ «Новое дѣло», и «Идиотъ». Это очень талантливый артистъ и нужно пожалѣть, что постоянныя заботы объ антрепризѣ не даютъ ему возможности играть чаще. Г. Петровскій также одинъ изъ любимцевъ публики. Не прибѣгая къ шаржу и ни къ какимъ фортелямъ, онъ заставляетъ до упаду хотовать публику своимъ неподдѣльнымъ, здоровымъ и въ высшей степени задорнымъ комизмомъ. Особенно удаются ему роли веселыхъ купчиковъ и деньщиковъ. Онъ выступаетъ и въ роляхъ другаго амплуа, но не всегда удачно. Такова роль Яго, которую г. Петровскій даже и не совсѣмъ понялъ. Онъ рубилъ все съ плеча и во всѣхъ сценахъ у него являлся Яго грубымъ, жесткимъ и отвратительнымъ циникомъ. За то зтогъ-же артистъ превосходно изобразилъ «Нерона» изъ «Новаго міра», не взирая на то, что сама пьеса даетъ немного матеріала.

Г. Вадимовъ выступаетъ у насъ рѣже, тѣмъ не менѣе и онъ успѣлъ занять довольно солидное положеніе въ глазахъ публики. Роли Капроля въ «Тецѣ» Оне и Василькова въ «Бѣшеныхъ деньгахъ» Острвскаго были исполнены имъ замѣчательно обдуманно и съ большимъ чувствомъ. Особая заслуга артиста та, что онъ играетъ всѣ роли, даже самыя небольшія.

Изъ артистовъ Таганрогской труппы наибольшимъ успѣхомъ пользуется г. Глюске-Добровольскій. Это серьезный и съ разнообразнымъ дарованіемъ артистъ. Онъ прямо создаетъ живыхъ людей и переноситъ ихъ на сцену. Такъ въ передѣлкѣ Крылова и Сутугина «Идиотъ», изъ всѣхъ исполнителей ему одному удалось превозмочь всѣ промахи передѣльвателей и создать генерала Иволгина. Бенефисъ Глюске-Добровольскаго далъ полный сборъ. Выступалъ у насъ раза два три и г. Анчаровъ-Эльстонъ, но неудачно. Артистъ не понравился таганрогской публикѣ. Изъ женскаго персонала успѣхомъ пользуются г-жи Юрьева, Дарьяль, Синельникова и Блюменталь-Тамарина. Изрѣдка прѣзжаютъ къ намъ г-жи Велизарій, Петипа и Позниовская, но особеннаго вниманія не вызываютъ. О г-жѣ Юрьевой я уже писалъ вамъ. Г-жа Синельникова съ простотой и искренностью исполняетъ роли драматическихъ ingénue. Особенно хорошо изображаетъ артистка чеховскихъ героинь. Соня изъ «Дяди Вани», Саша изъ «Иванова» и Нина изъ «Чайки»—лучшія созданія г-жи Синельниковой. Силы, какъ видите, для Таганрога больше чѣмъ достаточныя, возможны лишь при одновременной антрепризѣ въ двухъ городахъ. Если къ этому прибавить, что г. Синельниковъ не скучится на обстановку, очень часто привозитъ изъ Ростова всю декорацию для нѣкоторыхъ пьесъ, то станеть совершенно понятнымъ, почему таганрожцы такъ охотно въ текущемъ сезонѣ посѣщаютъ театръ и почему нѣкоторыя пьесы проходятъ при шумныхъ восторгахъ всей публики, начиная съ верховъ и кончая партеромъ и ложами. Особенно хорошо были исполнены и обставлены слѣдующія пьесы: «Джентльменъ», «Новый міръ», «Измаилъ», «Идиотъ» и нѣкоторыя другія. Видно, что г. Синельниковъ не остается только антрепренеромъ, т. е. коммерсантомъ, въ немъ говоритъ еще артистъ, художникъ, онъ увлекается и даетъ иногда и то, чего отъ него никто не требовалъ и не могъ требовать. Правда, цѣны на бенефисы и новыя пьесы г. Синельниковъ назначаетъ чрезмѣрно высокія, и это вызываетъ протесты со стороны публики, но слѣдуетъ однако взять во вниманіе, что, если вѣрять лицамъ, близко стоящимъ къ антрепризѣ, не взирая на хороше сборы и высокія цѣны, г. Синельниковъ все-таки еле-еле сводитъ концы съ концами. Такъ велики расходы по содержанію труппы; поѣздкѣ артистовъ и перевозкѣ декораций и мебели!

Въ заключеніе, не могу умолчать о любопытной дѣятельности рецензента мѣстной газеты «Таганрогскій Вѣстникъ», пишущаго подъ псевдонимомъ Sol. Этотъ господинъ вызвалъ вниманіе не только мѣстнаго общества, артистовъ, мѣстной печати, но даже и столичной прессы, отмѣчавшей особенно драгоценныя перлы его оригинальнаго творчества. Такъ о г-жѣ Славинской, содержательницѣ хора, онъ пишетъ, что «эта красавица выдѣляетъ изъ себя красоту», о г-жѣ Дарьяль, будто «артистка мысленно сама себя нравитъ и приглашаетъ публику глазами любоваться собою», что она «въмѣсто темпераментной бронетки изображала ординарную блондинку», что Жоржъ Оне «пишетъ романы, въ которыхъ бронетки побѣждаютъ блондинокъ», и прочее въ этомъ-же родѣ. Вечеромъ, когда выходитъ газета, въ театрѣ можно наблюдать любопытное зрѣлище. Въ ложахъ и партерѣ читаютъ рецензю, и смѣются отъ души. Вотъ лучшее доказательство того, что вздорныя рецензій вредятъ не артистамъ, а самому рецензенту. Поэтому артисты совершенно напрасно такъ близко все это принимаютъ къ сердцу.

А. Борисовъ.

КАЗАНЬ. 25 ноября закончились спектакли опернаго товарищества, а 28-го открылись спектакли драматическаго. Довольно шумно провозжала Казань своихъ оперныхъ артистовъ и такъ же шумно встрѣтила драматическихъ.

Отмѣтимъ репертуаръ послѣднихъ дней: 1-го ноября: «Паяцы» и 3 актъ «Ернани», 2-го — «Фаустъ», 3-го — «Нармень», 4-го — «Миньонъ», 5-го — «Пиковая Дама», 6-го утромъ — «Князь Игорьъ», вечеромъ — «Евгеній Онѣгинъ», 9-го — «Демонъ», 10-го — «Миньонъ», 11-го — «Баль-Маскарадъ», 12-го — «Русалка», 14-го — утромъ: «Демонъ», вечеромъ: «Садко», 15-го — «Травіатта», 16-го — «Пиковая дама», 17-го — «Тангейзеръ», 18-го — «Евгеній Онѣгинъ», 19-го — «Джіоконда», 21-го — утромъ: «Садко», вечеромъ «Гугенотъ», 22-го — «Народный гимнъ» и опера «Борисъ Годуновъ» Мусоргскаго; 23-го — «Садко» и 25-го — для закрытія оперныхъ спектаклей былъ сборный спектакль; шли 1 картина 4 акта «Жизнь за Царя» (сцена Вани и хора у стѣвъ Монастыря), 2 и 5 картины «Евгенія Онѣгина» («Письмо» и «Дуэль»); 3 картины «Мазепы» (сцена Кочубея съ Орликомъ) и 3 актъ «Ернани» (сцена въ подземельи).

Замѣчательными спектаклями этого мѣсяца были бенефисы артистовъ — Левандовской («Миньонъ»), Поляковой — («Евгеній Онѣгинъ»), Петрова — («Баль-Маскарадъ») и Палицина («Джіоконда»).

Заслуживаетъ отмѣтки и послѣдній спектакль сезона — бенефисъ А. Ф. Бородай — супруги представителя товарищества русскихъ оперныхъ и драматическихъ артистовъ по тѣмъ сердечнымъ ованціямъ, которыя устроила ей публика и товарищество. Были и подарки отъ молодежи — студентовъ и гимназистовъ — въ благодарностъ за представленія имъ частію бесплатныхъ (для воспитанниковъ гимназій), частію льготныхъ, по пониженнымъ цѣнамъ — билетовъ... Очень оригиналенъ былъ подарокъ — портретъ мужа бенефициантки М. М. Бородай, въ серебряномъ лавровомъ вѣнкѣ. Трогательно!

Отмѣтимъ, что «народные» спектакли все болѣе и болѣе начали привлекать народъ.

Въ ноябрѣ такихъ спектаклей было, правда, дано всего два — 7-го и 14-го ноября. Жаль, что опера М. П. Мусоргскаго «Борисъ Годуновъ» была поставлена только къ концу сезона и прошла всего два раза. Царя Бориса превосходно пѣлъ, а главное игралъ А. Н. Кругловъ; прекрасно играли гг. Акимовъ (Лименъ) и Подуяновъ (Ранчони). Гг. Тассинъ, а особенно Вольскій, пѣвшіе бродягъ, — въ монашескихъ рясахъ, Варлаамъ и Мисаилъ слишкомъ переусердствовали и балаганничали... Опера «Садко» прошла восемь разъ въ теченіи менѣе чѣмъ двухъ мѣсяцевъ, причѣмъ только два раза не собрала полного театра. Въ партіи царевны Волховы выступали передъ нами три артистки-пѣвицы: г-жи Полякова, Пасхалова и Гальцина — и всѣ не особенно насъ удовлетворили. Первая была холодно-сдержана; вторая — пѣла полубольная, а послѣдняя — пѣла экспромтомъ, за болѣзнь г-жи Пасхаловой.

Г-жа Пасхалова несла въ сезонѣ прямо непосильный трудъ, — иногда ей приходилось пѣть по два раза въ день — и утромъ и вечеромъ — и она такъ «надорвалась», что въ настоящее время лежитъ больная въ Казани...

Для «итоговъ сезона» извлекаемъ маленькій отрывокъ изъ одной мѣстной газеты. Характеризуя одного артиста, обозрѣватель говоритъ «... обладатель довольно большого, ровнаго во всѣхъ регистрахъ, лирическаго тенора... Играетъ весьма недурно, но не отличается изысканностію въ манерѣ носить костюмъ. (Въ оперѣ «Африканка, у морскаго офицера, португальской службы — Васко-де-Гама одно голенище сапога на четверть аршина было выше другого)...»

Но — довольно! Въ заключеніе нѣсколько словъ объ открытіи драматическихъ спектаклей въ Казани. Открылись они комедіей А. Н. Острвскаго «Послѣдняя жертва» и водевилемъ «Гамлетъ Сидорычъ и Офелія Кузминична». Разумѣется, выборъ первой пьесы удаченъ — это литературно-художественное произведеніе, но по поводу водевиля одно лицо замѣтило, что это «профанация» искусства. Къ чему начинать спектакли беззубымъ остроуміемъ надъ мировыми произведеніями. Въ этомъ есть доля правды...

Въ тотъ же день, какъ въ театрѣ открылись драматическіе спектакли, открыло свой четвертый сезонъ и «Казанское Общество любителей изящныхъ искусствъ» — музыкальнымъ и танцевальнымъ ветеромъ, завершившимся ужиномъ по подпискѣ. Ужинъ прошель довольно оживленно.

Вторымъ спектаклемъ шла драма «Соколы и Вороны» и комедія «Бѣда отъ нѣжнаго сердца». Почти всѣ артисты имѣли успѣхъ. Труппа видимо составлена прекрасная и сыгралась. Особенный успѣхъ въ эти два спектакля имѣли: г-жа Свободина-Барышова и Смирновъ.

Н. О. Юшковъ.

КІЕВЪ. Недавно у насъ возобновили «Грозу», причѣмъ въ роли Катерины выступила г-жа Пасхалова. Катерина въ исполненіи г-жи Пасхаловой была какою-то пассивной уравновѣшенной натурой. Г-жа Пасхалова какъ бы преданно лишила Катерину живости, страстности, восторженности, а главное рѣшительности.

Хороши были въ «Грозѣ» г-жа Звѣрева (Кабаниха), г. Степановъ (Кулигинъ) и г. Скуратовъ, тепло и безъ шаржа изобразившій Тихона.

Если г-жѣ Пасхаловой не по плечу бытовая роли, то въ своемъ амплу артистка въ большинствѣ случаевъ даетъ своимъ исполненіемъ художественные образы; зачастую въ ея воспроизведеніи чувствуется большой талантъ. Послѣ неудачной «Грозы», артистка выступила въ «Дворянскомъ Гнѣздѣ»; при самой строгой оцѣнкѣ ея Лизу слѣдуетъ признать образцовой.

Особенно удачно г-жа Пасхалова провела сцену объясненія въ саду съ Лаврецкимъ и финальную сцену пьесы, гдѣ Лиза объявляетъ о своемъ рѣшеніи поступить въ монастырь. Къ сожалѣнію, г. Багровъ игралъ не въ мѣру вяло Лаврецкаго. Г-жѣ Звѣревой вполне удалась роль тетушки. Какъ на «Грозѣ», такъ и на «Дворянскомъ Гнѣздѣ» было мало публики.

Удержаться антрепренеру на высотѣ хорошаго репертуара при слабыхъ сборахъ довольно трудно и, быть можетъ, поэтому наша антреприза, вслѣдъ за «Грозой» и «Дворянскимъ Гнѣздомъ», наканунѣ повторения трилогіи гр. Толстого, рѣшилась пустить на сцену позорную «Даму отъ Максима» — въ бенефисъ г. Смолякова. Спектакль этотъ — былъ скандальный; свистъ, шиканье, служили явнымъ доказательствомъ негодованія публики. Реализмъ, доведенный до откровеннаго цинизма въ исторіи ночнаго похищенія господина доктора Петипона, вызвалъ краску стыда не только у публики, но даже сама

«Туту» — «Дама отъ Максима» — г-жа Кондорова чувствовала себя крайне неловко. Слѣдующимъ бенефиснымъ спектаклемъ (г. Багрова) пойдетъ «Укрощеніе строителной» Шекспира.

Съ 12 декабря у насъ выходитъ «Кіевская газета», издаваемая Н. Н. Соловцовымъ (Федоровымъ). Подписка на четвертый въ Кіевѣ ежедневный литературно-политическій и общественный органъ принимается въ театрахъ «Соловцовъ» и «Бергонье», а также во всѣхъ книжныхъ магазинахъ письменно или «по телефону». Соиздателемъ состоитъ г. Бубликъ, редакторомъ Е. Игнатьевъ, бывший редакторъ газеты «Кіевское Слово».

Отъѣздъ оперетки повергъ многихъ въ уныніе. Остались лишь одни страданія, плоды сердечной пустоты, да мотивы изъ «Гейши», которые распѣваютъ гимназисты и студенты, гуляя въ послѣобѣденное время по Крещатику.

Кстати о студентахъ: за особые услуги г-жи Морской (водевильно-драматической) общество вспомоществованія недовольнымъ студентамъ университета св. Владиміра избрало исполнительницу «Блестящей карьеры» пожизненнымъ членомъ своимъ. Мы очень рады, что артистка удостоилась такой чести. Но почему не избрали Н. Н. Соловцова, оказывавшаго нуждающемуся студенчеству болѣе существенныя услуги? Слухи о томъ, что Н. Н. Соловцову не удалось получить антрепризу одесскаго городского театра, оказались ложными! Г. Соловцовымъ подписанъ ужъ контрактъ — театръ остается за нимъ подъ условіемъ, чтобы съ 1-го сентября по 1-ое декабря ставились спектакли русской драмы, съ 1-го декабря до конца зимняго сезона — итальянская опера, въ остальное же время русской театръ можетъ быть сданъ г. Соловцовымъ по его желанію. Для Кіева и Одессы г. Соловцовъ будетъ имѣть одну драматическую труппу. Въ будущемъ году въ Кіевѣ, съ 1-го сентября по 1-ое декабря въ новомъ театрѣ г. Соловцова будетъ играть оперная труппа князя Церетелли. Интересно было бы знать, какая труппа въ такомъ случаѣ будетъ играть въ новомъ городскомъ театрѣ, который, по увѣреніямъ строительной комиссіи, безусловно будетъ совершенно законченъ въ сентябрѣ будущаго года?

Слухъ о трещинѣ въ новомъ городскомъ театрѣ и о грозившей опасности оказался преувеличенъ: въ дѣятельности обнаружилось, что арка и стѣна надъ ней нѣсколько осѣли послѣ того, какъ стѣна и арка на-ново переложены на цементъ, будущимъ посѣтителямъ театра нечего опасаться за свою жизнь.

Къ осени же будущаго года предполагается открыть новый театръ Кіевского литературно-артистическаго общества. Оно приобрѣло противъ театра Бергонье усадьбу за 170 тысячъ, въ которой будетъ сооружено громадное зданіе. Часть зданія займетъ колоссальныхъ размѣровъ залъ со сценою для театральныя представленія. Такимъ образомъ, къ концу будущаго года у насъ будетъ четыре театра; это ужъ, кажется, для Кіева «немножко много», какъ нѣмцы говорятъ.

Р-ичъ.

САРАТОВЪ. Сборы, упадокъ которыхъ въ народномъ театрѣ уже не однократно отмѣчали въ предыдущихъ корреспонденціяхъ, въ настоящее время значительно улучшились. Люди (изъ нашихъ мѣстныхъ театровъ), склонные на скорыя умозаключенія, пожалуй, поспѣшатъ приписать это явленіе — въ сильной степени дѣятельности вновь призваннаго къ исполненію режиссерскихъ обязанностей С. А. Свѣтлова, тогда какъ дѣло обстоитъ проще установилась хорошая погода, смѣнившая осеннюю слякоть, уѣхала драматическая труппа, и сборы, какъ ежегодно замѣчается, естественнымъ путемъ пошли на повышение. Зданіе театра расположено въ отдаленной, нецентральной части города; кругомъ не благоустроенная мѣстность, и при дурной, осенней погодѣ, народный театръ плавать въ морѣ воды и клочкахъ грязи.

Съ пріѣздомъ новаго режиссера С. А. Свѣтлова я долженъ отмѣтить и нѣкоторое движеніе въ репертуарѣ. «Новая метла всегда чисто мететь», и это сказало даже въ афишахъ «народки», которая въ самомъ началѣ стали отзываться рекламою: по сценѣ *заплавали* пароходы и даже самолетской компаніи. Появились чудовищные анонсы о новыхъ пьесахъ и т. п. Все это, на свѣжій взглядъ, сразу бросается въ глаза.

О томъ, подыняли ли художественный градусъ спектаклей при новомъ режиссерѣ, я поговорю въ слѣдующій разъ. А теперь приведу весь репертуаръ за послѣднее время. Съ 22 октября шли пьесы (перечисляю капитальныя): «Смерть Ляпунова» (два раза), «Жизнь привольное», «Прахомъ пошло», «Послѣдняя жертва», «Со ступеньки на ступеньку», «Дудушка», «Изь-за короны», «Коварство и любовь», «Горячее сердце», «Сидоркино дѣло», «Доля-горе», «Въ селѣ Замечскомъ», «Хижина дяди Тома» (два раза), «Мѣщанинъ въ дворянствѣ», «Тушино», «Любовь и предразсудки» и «За монастырской стѣной» (Сестра Тереза).

Съ 30-го ноября въ народномъ театрѣ начались бенефисы. Первый «премьерши» — г-жи М. Э. Мондшейнъ; поставили — «Марію Стюартъ». Бенефициантка удачно справилась съ главной ролью, антуражъ же былъ, по обыкновению, не важенъ. Артистъ М. Е. Залъсовъ въ свой бенефисъ ставитъ — «Нарциса» траг. Брахгофеля. Спектакль идетъ 10-го декабря.

Въ зданіи князя Куткина подвизается циркъ А. Суръ. Для приманки публики въ «корню» съ цирковыми артистами по обыкновенію «борьба» и даже въ настоящее время прѣхалъ на «гастроли» знаменитый чемпионъ В. Пытляинскій. Сборы налаживаются и идутъ въ гору.

И — то.

ПСКОВЪ. Существующія въ г. Псковѣ театральныя помѣщенія — «Общедоступный театръ» Качева и театръ «Псковск. Общества Любителей Музыкально-Драматическаго Искусства», въ текущемъ зимнемъ сезонѣ сняты товариществомъ русскихъ драматическихъ артистовъ подъ управленіемъ Н. И. Степановой-Новиковой и М. Г. Межевого. Въ «Общедоступномъ театрѣ» спектакли идутъ 3 раза въ недѣлю (вторникъ, пятница, воскресенье), въ театрѣ «Драм. общества» — 2 раза (четвергъ и воскресенье). Составъ труппы слѣдующій: г-жи, Страхова (героиня), Надеждина (ingénue dram. et comique), Степанова-Новикова (драматич. и комическ. старуха), Корчагина (ingénue comique и волевили съ пѣніемъ), Рамина (комическ. старуха), Голицына (grande-coquette), Майкова — 2 роли, г-жа Шувалова, — бытовые роли. Г. Межевой (драматич. любовникъ и герой), Александровскій (комикъ и характ. роли), Листовъ (любовникъ), Козыревъ-Сокольскій (ком.-резонср.). Крашенинниковъ (простакъ и характ. роли), Волжанскій (2-й любовн.), Смолинъ (простакъ), Смирновъ, Карцевъ, Борисовъ, Ленскій, Сельскій — (2-я роли). Режиссеръ г. Межевой; помощникъ режиссера — Сельскій, суфлеры — Осокинъ, Карцевъ. Собственный концертный оркестръ подъ управ. П. А. Паалъ. Въ спектакляхъ труппы принимаетъ участіе хоръ любителей пѣнія подъ упр. г. Листова.

Съ 1-го октября были поставлены пьесы: «Горькая судьбина», «Злая яма», «Лѣсъ», «Ревизоръ», «Чародѣйка», «Князь Михаилъ Скопинъ-Шуйскій». Затѣмъ шли спектакли мало-русск. труппы г. Суходольскаго.

Въ театрѣ «Драматич. Общества» шли пьесы: «Гувернеръ», «За монастырской стѣной», «Безприданница», «На всякаго мудреца довольно простоты», «Новое дѣло», «Женское любовіе», «На жизненномъ пиру», «Разрушеніе Помпей», «Русская свадьба» (съ участіемъ хора любителей), «Плоды просвѣщенія», «Горе отъ ума», «Нищія духомъ» (съ уч. хора любителей пѣнія), «Комедія о княжнѣ Забавѣ Путятинѣ и боярынь Василицѣ Микулишнѣ» (съ уч. хора любителей пѣнія), «Мадамъ Санъ-Женъ», «Борцы», «Мужъ знаменитости», «Надо разводиться», «Урель Акоста».

Успѣхомъ пользуются: г-жи Страхова, Степанова-Новикова, Корчагина, г. Межевой, Александровскій, Крашенинниковъ, Листовъ.

Дѣла товарищества въ началѣ были не совсѣмъ удачны, что объясняется обыкновеннымъ въ это время застоємъ общественной жизни псковичей, но съ половины ноября дѣла товарищества приняли иной оборотъ и сборы увеличились. Составъ труппы сократился. По разнымъ причинамъ, вывели изъ товарищества: г-жи Голицына, Майнова, г. Смирновъ, Смолинъ, Волжанскій, Карцевъ, и нѣкотор. другіе. Нельзя, однако, не упрекнуть г. режиссера за явное благоволеніе къ нѣкоторымъ членамъ труппы. Такъ напр., г. Межевой не совсѣмъ равнодушенъ къ г. Крашенинникову. На мой взглядъ, г. Крашенинниковъ хороший простакъ, но не Урель Акоста. Вчерашній Емелька (въ «Простушкѣ и воспитанной») былъ хорошъ, но сегодняшній Чацкій — былъ не совсѣмъ удовлетворителенъ... Если г. режиссеръ отрѣшится отъ благоволенія и будетъ распределять роли безпристрастно, то смѣло можно сказать, что товарищество при такомъ ансамблѣ лишь выиграетъ.

П. Бол.-ав.

ОРЕЛЬ. Въ теченіе перваго мѣсяца со дня открытія (28 сентября) поставлены были слѣдующія пьесы: «Джентльменъ», «Арказановы», «Женитьба Бѣлугина», «Супружеское счастье», «Два подростка», «Цѣна жизни», «Девятый валъ», «Первая муха», «Чужіе», «Горнозаводчикъ», «По гривеннику за рубль», «Старый закалъ», «Контролеръ спальныхъ вагоновъ». Кромѣ того, поставлено было нѣсколько угреннихъ спектаклей по праздничнымъ днямъ для учащихъ по уменьшеннымъ цѣнамъ. За эти утренники можно отъ души поблагодарить антрепренера г. Томскаго. Труппа Томскаго пользуется солиднымъ успѣхомъ. Изъ женскаго персонала симпатіями публики пользуются: г-жа Варина — бойкая ingénue comique, г-жа Сильвина-Томская — героиня и grande coquette, г-жа Таманцева — ingénue dramatique — симпатичная артистка, г-жа Гегеръ-Глазунова — опытная и всегда корректная актриса на роляхъ пожилыхъ грандъ-дамъ. Типичная Гурмыжская, сестра Цецилія г-жа Бульчевцева — комическая старуха безъ шаржа, уморительная Улита. Г-жи Чистяковы 1-я и 2-я съ успѣхомъ всегда выполняютъ поручаемыя имъ роли. Г-жа Владимірова — старательная вторая комическая старуха. Изъ мужскаго персонала успѣхомъ пользуются г. Семеновъ-Самарскій (салонный резонср.), снискавшій себѣ симпатіи нашей публики послѣ перваго же выхода въ роли князя Чемберскаго («Первая муха»). Самъ антрепренеръ, г. Томскій, крупный успѣхъ имѣлъ въ роли «Джентльмена». Г. Павловскій — артистъ съ красивою внѣшностью, но очень холодный. Г. Полонскій, Глѣбовъ и Буйновъ способные, хотя видимо, начинающіе свою карьеру артисты. Г. Померанцевъ — опытный артистъ, своеобразно, но

очень хорошо сыграли Любима Торцова («Бѣдность не пороку»), г. Гончаровъ—немножко однообразный артистъ на комическихъ роляхъ. Роль капитана Глушакова («Старый закалъ») играетъ хорошо. Г. Фурсовъ положительно способный молодой артистъ въ роляхъ старыхъ слугъ. Сборы, къ сожалѣнью, неважные. Общаны къ постановкѣ сенсационной новинки столичныхъ театровъ въ родѣ «Идіота», «Заката» и др. На дняхъ закончила свои гастроли италянская опереточная труппа Кастеллано, въ городскомъ театрѣ, гдѣ сборы были средніе, и перешла въ помѣщеніе нашего Купеческаго клуба, гдѣ успѣхъ матеріальный болѣе, чѣмъ сомнителенъ.

Ст. Театралъ.

ЕНАТЕРИНОСЛАВЪ. Послѣ отъѣзда г. Адельгеймовъ (сдѣлавшихъ, въ общемъ, 500 р. на кругъ) Шильдкретъ распустилъ всю свою труппу. Сдѣлавъ онъ это вслѣдствіе сильнаго падежія сборовъ. Такимъ образомъ, намъ пришлось въ продолженіе двухъ недѣль оставаться безъ правильно организованной труппы. (Отъ 28 ноября по 11 декабря — дня открытія опернаго сезона). Въ продолженіе всего этого времени на подмосткахъ нашего театра подвизались любители, тѣ самые любители—члены театральной секціи мѣстной комиссіи народныхъ чтеній, которые регулярно каждое воскресенье ставятъ «утренники» въ нашей аудиторіи. Намъ пришлось быть на двухъ спектакляхъ: «Маіоршъ» и «Талантахъ и поклонникахъ».—Обыкновенно относительно любителей придерживаются правила «aut bene, aut nihil», что дало поводъ одному шутнику замѣнить извѣстное изреченіе: «побѣдителей не судятъ» не менѣе важнымъ: «любителей не судятъ». И дѣйствительно театральные критики очень и очень снисходительно судятъ игру любителей, называя превосходнымъ такое исполненіе, которое для самаго зауряднаго профессиональнаго актера считалось бы прямо позорнымъ. Но я считаю этотъ взглядъ на вещи совершенно ложнымъ. Разъ г. исполнители выступили на подмосткахъ театра, они подлежатъ театральной критикѣ, все равно любители ли они, или профессиональные актеры. Тѣмъ болѣе строго слѣдуетъ относиться къ исполненію нашихъ любителей, среди которыхъ, какъ я уже упоминалъ на страницахъ «Театра и Искусства», есть прямо-таки крупная дарованія. Центральное мѣсто въ кружкѣ любителей занимаетъ г. Лаппа, опытный любитель, очень удачно исполняющій бытовые, характерныя роли въ пьесахъ Островскаго. Весьма недурно, съ достаточнымъ темпераментомъ исполнилъ онъ роль Андрея Филатича въ «Маіоршѣ»; въ «Талантахъ и поклонникахъ» роль студента проведена была имъ слабѣе. Г-жа Холлова, лучшая изъ любительницъ-членовъ секціи. Она также участвовала въ обоихъ названныхъ пьесахъ. Роль «маіорши» была проведена ею весьма недурно; съ неменьшимъ успѣхомъ она исполнила роль Нѣгиной. Изъ остальныхъ любителей выдѣлимъ гг. Левенстерна и Шварца. Послѣдній былъ хороше въ роли Тишки въ «Маіоршѣ», хотя временами и впадалъ въ шаржъ. Г. Мердеръ (режиссеръ) не совсѣмъ удачно справился съ ролью маіора, такъ же какъ и съ ролью Эраста Громилова. Объ остальныхъ умолчимъ.

26-го ноября состоялся первый концертъ пианиста О. Габриловича. Концертъ былъ назначенъ въ 8 ч. вечера, но начался только въ 11 ч. Вслѣдствіе крушенія товарнаго поѣзда, г. Габриловичъ прибылъ не утромъ, а въ 10¹/₂ ч. вечера, и сейчасъ-же сѣлъ за рояль. Артистъ имѣлъ громадный успѣхъ. Второй концертъ талантливаго артиста состоялся 7 декабря и прошелъ съ неменьшимъ успѣхомъ, какъ первый.

Оперный сезонъ начинается у насъ 11 декабря. Для открытія пойдетъ опера Рубинштейна «Демонъ».

9 декабря въ залѣ англійскаго клуба состоялся благотворительный концертъ студентовъ Екатеринбургскаго Высшаго Горнаго училища въ пользу бѣдныхъ своихъ товарищей. Концертъ обнаружилъ, что за короткое время существованія училища (около 3 мѣсяцевъ) успѣлъ уже сформироваться весьма недурный хоръ, стройно исполнившій №№ своей программы. Впрочемъ, успѣхъ можно почти всецѣло приписать ихъ опытному дирижеру г. Померанцеву, который считался однимъ изъ лучшихъ преподавателей пѣнія въ городѣ и умѣлымъ формировщикомъ хоровъ. Изъ отдѣльныхъ исполнителей отмѣтимъ г. Баснина, очень недурно исполнившаго на скрипкѣ нѣсколько довольно трудныхъ вещей, и весьма понравившагося публикѣ, которая заставляла его нѣсколько разъ биссировать. Въ матеріальной отношеніи концертъ прошелъ также весьма удачно. Сбору около 2000 рублей, при сравнительно небольшихъ расходахъ.

Театральная секція комиссіи народныхъ чтеній предполагаетъ, начиная съ великаго поста, прекратитъ отдачу театра въ аренду антрепренерамъ, но эксплуатировать его хозяйственнымъ способомъ. Секція предполагаетъ изъ среды своихъ членовъ составить труппу, усиливъ ее составъ приглашеніемъ двухъ—трехъ профессиональныхъ артистовъ, а также опытнаго режиссера. Какъ мы слышали, намѣрены пригласить г. Шильдкрета съ платою по 15 рублей со спектакля. Странная форма служенія искусству!

Коммиссія народныхъ чтеній, за послѣднее время, довольно часто устраиваетъ такъ называемые, «народные балы». Балы эти состоятъ изъ двухъ отдѣленій. Сначала литературно-му-

зыкальный вечеръ. а затѣмъ танцы. Въ литературномъ отдѣлѣ баловъ принимаютъ участіе безвозмездно, понятно, нѣкоторые изъ членовъ комиссіи, а также и постороннія лица. (На одномъ изъ вечеровъ въ числѣ рассказчиковъ-чтецовъ былъ актеръ труппы Шильдкрета г. Рамазановъ). «Балы» посѣщаются очень охотно. На нихъ, кромѣ «сѣрой» публики, бываетъ также много представителей интеллигенціи...

Я. I—дѣ.

АСТРАХАНЬ. Въ залѣ Общественнаго Собранія состоялось первое очередное собраніе, при участіи: преподавателей нашихъ музыкальныхъ классовъ, мѣстныхъ любителей и любителей пѣнія, оркестра и хора подъ управленіемъ г. Горѣлова (директоръ классовъ). Оркестръ любителей, подъ управленіемъ г. Горѣлова, очень опытнаго капельмейстера, имѣлъ крупный успѣхъ. Публики собралось много. На 8-ое декабря назначенъ второй квартетный вечеръ. Въ театрѣ начались бенефисы. Первымъ состоялся бенефисъ нашего антрепренера Соболюшкова-Самарина, даровитаго артиста. Шелъ «Старый закалъ»—Сумбатова. Бенефициантъ взялъ полный сборъ. Г-жа Журавлева выбрала для своего бенефиса «Раннюю осень» Карпова, имѣла въ ней громадный успѣхъ. Для бенефиса г. Поликарпова, недурнаго артиста на роли старыхъ ворчливыхъ слугъ, пойдетъ «Горе отъ ума» и «На Пескахъ». Готовится «Король Лиръ», съ новой обстановкой. Сборы у труппы выше среднихъ.

А. Давидовъ.

РИГА. Въ субботу, 4 декабря, одно изъ симпатичныхъ русскихъ учреждений нашего города—Драматическое Общество праздновало пятилѣтіе своего существованія. Хотя русское общество здѣсь не велико, но оно развилось на много мелкихъ кружковъ, которые едва-едва влчатъ свое существованіе. Драматическое Общество представляетъ пріятное исключеніе: въ первый годъ открытія оно насчитывало едва 100 членовъ; въ прошломъ и нынѣшнемъ это число возросло до 400. Члены общества дѣлятся на дѣйствительныхъ (подвизающихся въ спектакляхъ общества) и соревнователей. Между первыми есть много талантливыхъ исполнителей, завоевавшихъ въ нашемъ городѣ извѣстность. Между ними выдѣляются: П. П. Лучининъ, П. Д. Денисовъ и Е. Н. Разсказова. 4-го декабря 1894 года общество открыло свою дѣятельность, поставивъ пьесу «Доходное мѣсто» Островскаго. Дни юбилея оно повторило эту пьесу. Заглавную роль Жадова исполнилъ П. П. Лучининъ, въ вѣрномъ тонѣ и съ увлеченіемъ. П. Д. Денисовъ далъ типичный образъ Юсова, не впадая въ шаржъ и не пользуясь никакими эффектами. Кромѣ того, въ спектаклѣ приняли участіе артисты мѣстной труппы г-жа Пименова (Кукушкина), бывшая дѣйствительнымъ членомъ общества и г. Матковскій (Вишневскій). Хороши были г. Гетмановъ (Бѣлогубовъ), г-жа Донатова (Полина) и г-жа Мравина (Юлинька).

Къ слову сказать, почему-то начало нынѣшняго сезона идетъ пока вяло. Съ открытія, было поставлено всего двѣ большихъ пьесы, остальное все воевели. Съ такими силами, какія есть въ обществѣ, можно ставить болѣе серьезныя вещи.

ВИБЕКСЪ. Дѣла нашей труппы далеко не блестящи. Началась задержка жалованья артистамъ, оркестру и пр. служакимъ. Г. Денисовъ прекрасный декораторъ, но администраторъ, а тѣмъ болѣе «главный режиссеръ»,—довольно сомнительный. Изъ труппы выбыли: даровитая г-жа Рене и гг. Боярскій и Осиповъ (послѣдній еще въ началѣ сезона счелъ за благо переѣхать въ Архангельскъ), а также выбыла изъ труппы и г-жа Полякова. Въ одной изъ моихъ корреспонденцій г-жа Полякова ошибочно названа пенсионеркой Моск. Малаго театра, но, оказывается, почтенная артистка состоитъ на дѣйствительной службѣ и только дослуживаетъ послѣдній годъ до пенсіи.

Репертуаръ не интересный. Бенефисы не удачны, такъ: «Горе отъ ума» въ бенефисъ любимаго публики г. Никитина-Фабіанскаго, дало всего 168 руб., а «Уриель Акоста» (бенефисъ г. Минскаго)—90 р. Расходъ—150 р. *Н. В—к—нѣ.*

РЕПЕРТУАРЪ Императорск. С.-Петербургскихъ театровъ

съ 20-го декабря по 27-е декабря 1899 года.

Александринскій театръ.—20-го декабря: «Накипь».—21-го «Идіотъ».—22-го «Выгодное предпріятіе».—26-го утромъ: «Биронъ»; вечеромъ: «Борцы».

Михайловскій театръ.—20-го декабря: «Мнимый больной», «Адвокатъ Пателень».—21-го «Daniel Rochat».—22-го «Блестящая карьера».—26-го Bénéfice de Mlle Ferial, «Colinette».

Маринскій театръ.—20-го декабря: «Фаустъ».—21-го въ 1-й разъ: «Далиборъ».—22-го «Жизнь за Царя».—26-го утромъ: «Травіата»; вечеромъ: «Корсаръ».

О В Ъ Я В Л Е Н І Я .

Въ Субботу, 22-го Января 1900 года,

ВЪ ЗАЛЪ ДВОРЯНСКАГО СОБРАНІЯ
СОСТОИТСЯ ЕЖЕГОДНЫЙ БОЛЬШОЙ

СИМФОНИЧЕСКІЙ КОНЦЕРТЪ

При благосклонномъ участіи: оркестра ИМПЕРАТОРСКОЙ оперы, подъ управленіемъ директора и дирижера знаменитыхъ Парижскихъ концертовъ „LAMOUREUX“ КАМИЛЛА ШЕВИЛЬЯРЪ, извѣстнаго большого симфоническаго хора руководимаго проф. К. фонъ-Бахъ; Г-жи М. И. ДОЛИНОЙ, г. А. К. ГЛАЗУНОВА, извѣстныхъ: профессора берлинской королевской консерваторіи ЭРНЕСТА ЕДЛИЧКА (рояль), испанскаго виртуоза-скрипача АРРИГО СЕРАТО изъ (Мадрида) и перваго тенора парижской большой оперы ЖОРЖА УНГЕРЪ ФЕДОРОВА.

Въ программу войдутъ слѣдующія произведенія: оркестровыя: 1) Symphonie ut mineur—Beethoven; 2) Jeunesse d' Hercule - Saint-Saëns; 3) Le venusberg—R. Wagner; 4) Ouverture Freyschütz—Weber; 5) Wieniawsky—Le deuxième violon-concerto (исп. съ оркестромъ Arrigo Serato); 6) Liszt—Concert a-dur (исп. съ оркестромъ Эрнестъ Едличка); 7) а) Berlioz—Absence и б) Massenet—Noël раіен (съ оркестромъ исп. М. И. Долина); 8) Мейерберъ—Арія изъ оперы „Африканка“ (исп. съ оркестромъ г. Унгеръ Федоровъ) и 9) А. Глазуновъ—Торжественная кантата на юбилей Пушкина, слова К. Р. исполнять: Г-жа М. И. Долина, г. Унгеръ Федоровъ, хоръ и оркестръ подъ управленіемъ автора.

Рояль фабрики БЕККЕРА.

Начало РОВНО въ 8 часовъ вечера.

Весь сборъ поступитъ въ пользу Георгіевской Общины, состоящей подъ Августѣйшимъ Покровительствомъ ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРНИ ИМПЕРАТРИЦЫ МАРИИ ТЕОДОРОВНЫ.

Билеты первыхъ шести рядовъ, а также и билеты для лицъ, имѣющихъ право занимать мѣста около Царской ложи (отъ 10 до 6 руб.), можно получать у Г-жи М. А. СОЛЬСКОЙ (ежедневно отъ 10—12 час. дня, Гагаринская ул., д. № 5), остальные же билеты, т. е.: 7, 8, 9, 10 и 11-го рядовъ по 5 руб.; 12-го по 4 р.; 13, 14 и 15-го рядовъ по 3 руб. 50 коп.; 16, 17, 18, 19, 20 и 21-го рядовъ—по 3 р.; 22, 23 и 24-го рядовъ по 2 руб. 50 коп. Красные диваны: около эстрады по 5 руб. и 4 руб.; напротивъ Царской ложи по 3 руб. 50 коп. и остальные по 3 руб. Между колоннами по 3 руб.; 2 руб. 50 коп. и 2 руб. За колоннами: 1-й рядъ по 1 руб. 90 коп.; 2-й рядъ по 1 руб. 50 коп. и 3-й рядъ по 1 руб. 40 коп. На эстрадѣ по 2 руб. 50 коп. На хорахъ: 1-й рядъ по 1 руб. 90 коп.; 2 и 3-й рядъ по 1 руб. и 4-й рядъ по 95 коп. (Цѣна безъ благотворительнаго сбора), можно получать съ 13-го декабря въ музыкальныхъ магазинахъ: Югансона (Невскій, 50), Юргенсона (В. Морская, 9) и въ магазинѣ «Новаго Времени». № 1261 1—1.

Театръ „ФАРСЪ“

(бывшій Панаевскій, у Дворцоваго моста).

Дирекція: А. М. Горинъ-Геряйновъ, С. К. Ленни, В. А. Казанскій.

ЕЖЕДНЕВНЫЕ СПЕКТАКЛИ ПОДЪ ЛИЧНЫМЪ РЕЖИССЕРСТВОМЪ

Сергѣя Константиновича Ленни.

Репертуаръ: Въ воскресенье, 19-го декабря: 1) „Ночь любви и приключеній“; 2) „Холостые супруги“. Понедѣльникъ, 20-го: (бенефисъ С. К. Ленни), 1) „Дама изъ кафе-шантана“; 2) „Развеселый Парижъ“. Вторникъ, 21-го: 1) „Подъ секретнымъ надзоромъ“; 2) „Передъ завтракомъ“.

Исключительный репертуаръ фарсовъ и легкихъ комедій.

Масса новинокъ. Новая обстановка.

БЕРИХОНСКАЯ ТРУБА.

Сенсационное изобрѣтеніе. Въѣ могутъ играть безъ всякой музыкальной подготовки. Прекрасное рѣшеніе для всякаго возраста. Подходить для общества, войскъ, а также для экскурсій; играть можно танцы, марши, оперы и пр. Цѣна за штуку 1 руб., 4 шт. 8 руб., 6 шт. 4 руб., 12 шт. 7 руб. Высылается только по полученіи денегъ (также можно русск. почт. марками) франко и безплатно. М. FEITH, WIEN, II. Taborsgasse Nr. II. Корреспонденція на всѣхъ языкахъ

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ

„ЗАБАВА ПУТЯТИШНА“

опера въ 4-хъ дѣйствіяхъ, музыка М. ИВАНОВА, сюжетъ заимствованъ у В. П. Вуренина. Полный клавиръ съ русскимъ и итальянскимъ текстомъ. Цѣна 8 рублей. Складъ изданія въ муз. магазинѣ П. Юргенсона въ Москвѣ (Пеглинный проѣздъ, 10), І. Юргенсона въ Петербургѣ (В. Морская, 6) и у автора (Спб. Кирочная, 30).

Въ Воскресенье, 2-го Января 1900 г.,
Въ залѣ Дворянскаго Собранія,
состоится ежегодный БОЛЬШОЙ

КОНЦЕРТЪ

въ пользу состоящаго подъ Августѣйшимъ покровительствомъ Его Императорскаго Величества Государя Императора Русскаго Театральнаго Общества, при благосклонномъ участіи гг. артистовъ и артистовъ Императорскихъ театровъ оперной и русской драматической труппы.

Билеты по 10 р. 10 к., 8 р. 10 к., 7 р. 10 к., 6 р. 10 к., 5 р. 10 к., 4 р. 10 к., 3 р. 60 к., 3 р. 10 к., 2 р. 60 к., 2 р. 10 к., 1 р. 60 к., и 1 р. 10 к. продаются въ музыкальныхъ магазинахъ г. Югансона, Невскій пр. д. № 50, а въ день концерта—при входѣ въ залъ.

ПОЛНОЕ ТЕАТРАЛЬНОЕ ИМУЩЕСТВО:

Библиотека, декорации и костюмы для драмъ, комедій и феерій отдаю на прокатъ и продаю. Предлагаю свои услуги какъ администраторъ и режиссеръ для народныхъ и общедоступныхъ театровъ съ имуществомъ и безъ оного.

Адресъ: Москва, домъ Фальцъ-Фейнъ, № 22. Павлу Ананьевичу Соколову-Жамсонъ или Бюро Русскаго Театральнаго Общества. № 1258 (2—1).

НИВА

Подписчики „НИВЫ“ получают въ 1900 г.:

“ ДАЕТЪ ВЪ ТЕЧЕНІЕ
ОДНОГО 1900 ГОДА
СВОИМЪ ПОДПИСЧИКАМЪ
БЕЗПЛАТНО

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ“

на годъ со всѣми приложеніями:
Безъ достав-
ки въ СПБ. **5 р. 50 к.** Съ перес.
Безъ доставки: 1) въ Мо-
сква, въ конторѣ Н. Печ-
новской—6 р. 25 к. 2) Въ
Одессѣ, въ книжн. магаз.
„Образованіе“—6 р. 50 к.
Съ доставкой **6 р. 50 к.** въ СПБ.
Съ перес. в. в. г. 7 р.
За границу 10 р.
Разсрочка пла-
тежа въ 2 и 3
срока.

52 №№ журнала „НИВА“ (до 1500
столбцовъ текста и 500 гравюръ).
12 ТОМОВЪ ПОЛНАГО СОБРА-
НІЯ СОЧИНЕНІЙ
Н. В. ГОГОЛЯ, которое будетъ весьма
значительно дополнено матеріаломъ, не
помѣщеннымъ въ послѣднихъ изданіяхъ соч. Го-
голя, и будетъ отпечатано на хорошей бѣлой гла-
зированной бумагѣ.

12 КНИГЪ „ЕЖЕМЪСЯЧНЫХЪ ЛИТЕ-
РАТ. ПРИЛОЖЕНІЙ“ (романы,
повѣсти, рассказы, популярно-научныя статьи, очерки и проч.
современныхъ авторовъ).

12 ЛАМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (до 300 модныхъ гра-
вюръ по послѣднимъ фасонамъ лучшихъ мастеровъ).

Требованія адресовать въ Главн. Контору журн. „НИВА“, С.-Петербургъ, Малая Морская, 22.

полное собраніе сочиненій

Н. В. Гоголя

съ портретомъ, факсимиле и автографомъ.

12 ЛАМЪ рукодѣльныхъ и выпильныхъ работъ и выкроенъ
въ натуральную величину (около 600 рисунг. и
чертеж.).

СТѢННОЙ КАЛЕНДАРЬ на 1900 годъ печатанный
красками.

Подробное иллюстрированное объявленіе высылается бесплатно.

№ 1252 (2—1)

Косметическіе спермацетовые личные утиральники косметика А. ЭНГЛУНДЪ.

При употребленіи спермацетовыхъ утиральниковъ, кожа лица дѣлается
чистою, нѣжною и пріятно освѣжается. Удобное средство въ дорогѣ, гдѣ
лицо особенно подвержено вліянію солнца, пыли и вѣтра.

Особенную важность имѣютъ они для гг. артистовъ и для лицъ, упо-
требляющихъ гримировку, бѣлила, румяна и проч.

Цѣна **60 коп.** за пачку, съ пересылкою не менѣе 2 пачекъ **2 руб.**

Для предупрежденія отъ поддѣлокъ прошу обратить вниманіе на под-
пись: **А. Энглундъ** красными чернилами и марку с.-петербургской кос-
метической лабораторіи. Получать можно вездѣ. Главный складъ для
всей Россіи: **А. Энглундъ**, С.-Петербургъ, Михайловская площ., № 2. (г.)

КРЕМЪ АМИКОСЪ (CRÈME AMYCOS).

Новый кремъ, составленный по указаніямъ спе-
ціалистовъ, придаетъ и сохраняетъ свѣжій и здоровый цвѣтъ лица,
уничтожаетъ веснушки, пятна, загаръ и красноту лица.

Кремъ Амикосъ необходимъ для сохраненія на долго красоты лица.

Цѣна банки 1 р. 25 к.; въ Европейскую Россію высылаются 2 банки за
3 р. 50 к. Получать можно во всѣхъ аптекарскихъ и косметическихъ ма-
газинахъ Россіи.

Главный складъ у изобрѣтателей.

Торговый домъ „Парфюмерная лабораторія **И. ГОЛЛЕНДЕРЪ**“ С.-Петер-
бургъ, Разъѣзжая, № 13. 214 (7—4).

Для ослабѣвшихъ, одержимыхъ кашлемъ мальць-экстрактъ и
леденцы фабрики

„ДЕЛИВА“

въ Варшавѣ, ул. Згода, № 5, существуетъ съ 1884 г.

Продаются въ аптекарскихъ магаз. и аптекахъ. Остерегаться поддѣлокъ.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ 18 декабря 1899 г.

ПРОДАЕТСЯ

ТЕАТРАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА,

состоящая изъ 740 пьесъ старинно и но-
ваго репертуара очень сходно, кт. 70
пьесамъ имѣются роли. Списокъ пьесъ
высылается за три семикопѣчныхы
марки.

Г. МАРИУПОЛЬ, Екатерин. губ., Ильѣ Леонтье
вичу Шаповалову, свой домъ.

1259 (2—1)

ДРУГЪ ЮНЫХЪ СКРИПАЧЕЙ
НОВАЯ СКРИПичНАЯ ШКОЛА

А. Е. ЧОРТОВИЧЪ.

Цѣна 3 руб., съ пересылкою 3 р. 50 к.
Того же автора вышли изъ печати въ
дешевомъ изданіи ежедневныя упражненія,
гаммы и анкорды для скрипки; цѣна 90 коп.
Изданіе **Л. ИДЗИКОВСКАГО** въ Кіевѣ.

КАРАМЕЛЬ

изъ грудныхъ травъ

ОТЪ КАШЛЯ и отдѣленія МОКРОТЪ

„КЕТТИ БОССЪ“

Б. Семадени, въ Кіевѣ.

Главн. складъ у **АЛЕКСАНДРА ВЕН-**
ЦЕЛЯ, С.-Петербургъ, Гороховая, 33.
Цѣна металл. кор. 25 к. Мал. кор. 15 к.

Продается вездѣ.

1252 (12—1)